

СЕРГЕЙ БАРАННИКОВ

ГРАДОВЕЦКИЙ
ЦЕЛИТЕЛЬ
ИСПЫТАНИЕ

3

Сергей Баранников

Градовецкий целитель. Испытание

«Автор»

2026

Баранников С.

Градовецкий целитель. Испытание / С. Баранников — «Автор»,
2026

К хорошему быстро привыкаешь. Я успешно прошёл адаптацию на новом месте, но не всё коту масленица. Новые проблемы не заставили долго ждать. Придётся собрать волю в кулак и призвать на помощь всё своё мастерство, чтобы достойно пройти все испытания, которые щедро подбрасывает судьба.

© Баранников С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Баранников

Градовецкий целитель. Испытание

Глава 1. Бревновщина

— А что такого в этом Бревнове? — удивился я, в очередной раз услышав о легендарном целителе, который ушёл на пенсию незадолго до моего появления в отделении. О нём вспоминали множество раз, но никто ни разу не говорил толком чем он так прославился.

— Сам увидишь, — отмахнулся Макс, не желая поднимать эту тему. Пришлось идти за информацией к человеку, который видел десятки целителей, приходивших в отделение. Заведующие приходили и уходили, а Михайловна продолжала работать. Именно у неё я и надеялся получить побольше полезной информации.

— Ой, вы ведь не застали Павла Васильевича! — всплеснула руками Михайловна. — Вот это был руководитель! Отделение в кулаке держал и никому не позволял расслабиться. Да и сам работал на износ. А дисциплина была при нём железная. Такая, что никаких проверок не боялись, потому как всё выполняли в точности до мелочей.

— Нам и с Егором Алексеевичем хорошо работается, — поспешил я заступиться за Радимова. — Операции проводим на высшем уровне, пациенты довольны, а что до дисциплины, то это понятие относительное.

Я прекрасно знал требования медицинской коллегии, и понимал, что досконально выполнить их просто нереально. Да, элементарные вещи в стиле требований к палатам и процедурным, реализовать вполне возможно, но порядок проведения процедур, операций, а главное — расход времени, часто выходили за рамки требований. Потому что невозможно рассчитать время проведения процедуры. Одному пациенту можно обработать раны и сделать перевязки за десять минут, а второму потребуется не меньше двадцати, потому как у него не тело, а решето. Никто ведь не будет выгонять пациента из процедурной со словами:

«Простите, но положенные пятнадцать минут на приём вышли, остальные швы обрабатывайте сами, или дождитесь следующей процедуры, мы ваши займёмся потом».

Именно поэтому в отношении слов Бревнова у меня были большие сомнения.

В конце недели Радимов собрал нас в ординаторской, где и представил Павла Васильевича всем, кто ещё был с ним не знаком.

— Дамы и господа, прошу подняться и поприветствовать мэтра целительства Бревнова Петра Васильевича.

Возвращение Бревнова в отделение встречали бурными аплодисментами, но мы с Максом не разделяли такого радушия. Ключников, кажется, что-то уже знал, а мне просто не нравилось подобное пресмыкательство, не имеющее ничего общего с уважением и признанием.

— Как же приятно вновь оказаться в родных стенах! — с улыбкой произнёс опиравшийся на трость тучный мужчина, оглядываясь вокруг, словно нас здесь вообще не было. — Такое впечатление, будто я вмиг на несколько лет помолодел.

Взгляд Бревнова переместился на нашу бригаду, но мужчина скривился, словно заметил просроченный товар на прилавке магазина.

— Да, вижу, с целителями у нас туго. Зелёная молодёжь! Где те времена, когда в этих стенах сияли будущие светила целительства?

— Молодёжь у нас способная, Павел Васильевич. Воспитываем себе достойную замену, — вступился за нас Радимов.

— Долго же вам воспитывать придётся, — без тени энтузиазма ответил Бревнов.

— Не надо никого воспитывать, мы не в гимназии, и не в детском саду, — не выдержал Макс.

— Правда? Почему же тогда вас не научили тому, что встречать в разговор старших — признак крайней невоспитанности? — удивился новоиспечённый заведующий.

— А разве допустимо обсуждать возможности коллег в их присутствии? — Не сдавался Ключников.

— Макс, не сейчас, — поморщился Радимов и подмигнул стажёру.

— О чём я и говорю. Совершенно от рук отбились! — негодовал Бревнов. — Во время моей молодости стажёры даже пикнуть боялись, когда старший целитель, или заведующий говорят. Новое поколение целителей никуда не годится! Мне даже страшно от того, что будет лет через пять, или десять. А если ничего не изменится, то через полвека совсем целителей толковых не останется. Одни инфантильные болванчики, которым и слова поперёк нельзя сказать. Я ведь почему на замену вышел? Думаете, мне дома скучно? Или в свои шестьдесят семь захотелось молодость вспомнить? Потому как работать некому! Молодёжь совершенно бестолковая пошла, ничего не понимает и учить не хочет. Думают, что им всё на блюде подадут, а так в жизни не бывает.

— Погодите, но заведовать отделением можно только через пять лет работы, — заметила Тихомирова.

— Да вас и через пятнадцать на заведование пускать нельзя, — отмахнулся Бревнов. — Чтобы следить за работой всего отделения, нужно не просто знать как оно работает, но и уметь организовать его работу так, чтобы всё работало как часы. Ну, пойдёмте-ка на обход, посмотрим на вас в деле.

Меня одолевала двоякие ощущения. С одной стороны нравилось, что заведовать отделением будет опытный целитель. Но с другой стороны, я ожидал увидеть профессионала, который поделится опытом и сможет показать как нужно организовать работу отделения, а на деле увидел надменного и сварливого старика, с умилением вспоминавшего о годах, когда старшие давили авторитетом и тешили своё самолюбие, пользуясь служебным положением.

— Что молчим? — поинтересовался Бревнов, когда мы вошли в палату? — Ещё до того, как я задал вопрос, у вас должен быть готов ответ. Я не должен просить каждого из вас делиться своим мнением. Вы должны понимать что от вас требуется и делать то, что требуется. Зашли в палату — сходу начали диагностику пациента. Как только выяснили его состояние, думаем как помочь.

— У нас другие правила. Говорим только после того, как спрашивают, — ответил Ключников.

— Вот бы у вас эти правила везде работали! — не упустил возможности погоревать Павел Васильевич. — Ну-ка, молодёжь, какие изменения у пациента после операции? Диагностику, живо!

— После удаления гланд у пациента удалось избавиться от хронической ангины, удалён постоянный очаг воспаления, который негативно сказывался на работе сердца, почек и суставов, — начал я. — Благодаря своевременной помощи удалось остановить дальнейшее разрушение суставов и избавиться от воспаления миокарда. На второй день после операции пациент обратился с жалобами на боль в ушах. Провели обезболивание и сняли воспаление после операции. Пациент идёт на поправку.

— Дожили! Человек два дня лежит в стационаре, занимает койку и находится под присмотром врачей после удаления миндалин. Куда мы катимся? А после аппендэктомии месяц держать пациента будем? В наше время человек уходил домой в тот же день. Удалили гланды, остановили кровь — всё, иди! И обезболивания практически не делали. А тут развели балаган...

Ой, лукавит! Насчёт обезболивания Бревнов прав, а вот по поводу того, что пациенты уходили домой — чистойшей ложь. У взрослых очень высоки риски сильного кровотечения и осложнений, поэтому ни один адекватный целитель не отпустит пациента домой сразу после

операции. Даже если проводить её с помощью дара. В любом случае оставят в отделении до завтра, чтобы понаблюдать за состоянием.

— Павел Васильевич, у мужчины солидный возраст, — осторожно возразил Радимов. — У детей эта процедура проходит проще, и всё равно целители перестраховываются. Мы опасались отпускать его домой из-за вероятности кровотечения. На фоне его проблем с давлением могла открыться рана, а кровотечение в горле — штука серьёзная. И потом, мы соблюдаем рекомендации медицинской коллегии.

— Ох уж эти рекомендации! Этим фантазёрам лишь бы придумать что-нибудь! — проворчал мужчина и вышел из палаты, демонстрируя своим видом, что осмотр окончен. Никакого пожелания скорейшего выздоровления пациенту, никакой ободряющей речи. Зато уже в следующей палате он наорал на женщину за то, что та боялась подниматься после операции по удалению жёлчного пузыря.

— И это ваш хваленый заведующий с огромным опытом? — поинтересовался я у Радимова, когда мы задержались у входа в следующую палату. — Не знаю кем нужно быть, чтобы испытывать восторг от такого отношения. Может быть как целитель он и профи, но как человек — сущий кошмар. На месте пациентов я бы бежал от такого целителя куда глаза глядят.

— Я уже и сам не рад, что согласился на эту идею, — ответил Радимов. — Но ведь он действительно заведовал отделением несколько лет! Беру назад свои слова о лентяях и приспособленцах, когда мы общались с тобой о персонале больницы до твоего перехода. Скорее всего, люди просто сбежали от такого руководителя. Но вы-то хоть продержитесь до моего возвращения и не разбегайтесь, потому как другой кандидатуры у меня нет, да и искать замену уже никто не даст. Бревнова утвердили на роль заведующего до конца мая.

В следующей палате нас ждало настоящее открытие. Снова самолечение, которое довело пациента до серьёзных проблем и больничной койки.

— Как же вы довели себя до такого состояния, голубчик? — поинтересовался у пациента Бревнов.

— До какого «такого»? — удивился тот в ответ.

— Вы принимали какие-то лекарства без назначения целителя?

— Лекарства не принимал. Я вообще считаю вашу науку пустой тратой времени. Ты либо сам себя поставишь на ноги с помощью того, что тебе природа даёт, либо помрёшь. Вы со своим даром мешаете природному процессу обновления.

— Нормально загнул! — хмыкнул Макс. — Выходит, мы тут не людям жизни спасаем, а рушим природный баланс. А что, надо было дать им преставиться?

— Может, и надо, это уже дело каждого как распоряжаться даром, что у вас есть, — пожал плечами мужчина.

— Ближе к делу, — вернул нас к теме беседы Бревнов, недовольно нахмурились и бросив раздражённый взгляд в сторону Ключникова.

— У природы много есть секретов, хочу я вам сказать, — начал мужчина. — Например, я завариваю чай из чаги, чтобы лечить желудок и кишечник, спасаюсь от деменции тем, что толку и пережевываю ивовую кору, богатую полезными элементами. В вашем целительстве вы называете это вещество как аспирин. Оно здорово поддерживает мозги и не даёт тронуться умом.

— Как по мне, он уже тронулся, — прошептал, слегка повернувшись к нам Макс.

— Можете считать как хотите, — подхватил пациент, услышав отрывок фразы. — Да только я ещё всех вас переживу.

— Это уж вряд ли, — заспорил Ключников.

— Позвольте я объясню вашу ошибку, — вмешался я, не в силах терпеть цирк, в который превращалось общение с пациентами. Мы совершенно не слышали друг друга и не пытались понять. — Вы кто по специальности?

— Столяр, — с гордостью заявил мужчина.

— Вот видите! Я же не берусь указывать вам какое дерево нужно использовать для определённых работ, или как его обрабатывать? Потому как у меня нет ни знаний, ни опыта. Но сравнение не очень удачное, потому как кое-какие обрывочные знания у вас всё-таки имеются. Да, вы совершенно правы, что ивовая кора косвенно помогает уменьшить риск деменции. Но вы не учли, что чрезмерное употребление ивовой коры раздражает желудок и кишечник, вызывает боли и тошноту. Пожалуй, я угадал, что именно поэтому вы решили заваривать чагу?

— Так и было, — согласился мужчина.

— Вам следовало пообщаться с целителем, или хотя бы с фельдшером, прежде чем заниматься лечением. Очевидно, что вы перестарались. А причина простая — в природе нет чётких цифр и дозировки элементов. У одного дерева концентрация может быть чуть больше, у другого дерева — меньше. Но здоровье не прощает, когда на него смотрят лишь с одной стороны. Организм нужно рассматривать целостно, иначе вы будете обречены лечить одну проблему и обострять другую.

— Благодарю вас, господин целитель, — просиял мужчина. — Наконец-то мне выпала возможность потолковать с кем-то разумным, а то эти чудики в белых халатах всё время крутят пальцем у виска и ничего не объясняют. Дадите мне консультацию?

— После дежурства зайду к вам, — пообещал я, поймав на себе недовольный взгляд Бревнова.

— Семнадцать минут на одного пациента! — принялся сокрушаться Павел Васильевич, когда мы вышли из палаты. — Сколько у нас сейчас пациентов? Двадцать семь? Ну-ка, светлые головы, посчитайте, сколько будет длиться обход, если мы позволим себе тратить столько времени на каждого пациента?

— Почти восемь часов, — приблизительно прикинул Макс.

— Вот! Если две трети времени дежурства тратить на обход, когда заниматься процедурами и проводить операции? Поэтому я требую разговоры не по теме прекратить. Бестолочей всё равно не переучишь, а время терять нельзя.

— Павел Васильевич, мы не можем научить всех, но можем помочь хотя бы тем, кто попадает к нам в отделение. Взять того же Пискунова. Если бы мы не объяснили в чём он заблуждается, он бы и дальше травил себя высокими концентрациями микроэлементов.

— И пусть травит — это его личное дело. Или вы записались в няньки? — насупился Бревнов.

Наши взгляды на роль целителя принципиально отличались, но спорить с заведующим я не видел никакого смысла. Какие аргументы я не приведу, он просто не будет слушать.

Когда пришло время операций и процедур, я понял, что обход был ещё «цветочками», а «ягодки» оказались впереди.

Грубость Бревнова довела до слёз Марину, и девушка просто вышла из процедурной, не желая находиться в помещении дальше.

— Нина Владимировна, вы руководитель стажировки у этой особы. Отзывайте её вон из отделения! — скомандовал мужчина.

— Павел Васильевич, вы уж простите, но вы верно сказали: я руководитель стажировки, и мне решать будет она продолжать стажировку или нет. Если вас что-то не устраивает, можете пойти к Удаловой.

К счастью, Сарычева встала на сторону девушки и отстояла её.

— Что за молодёжь пошла? Ей замечание делаешь, она сразу в слёзы. И как прикажете работать в таких условиях? Если не умеешь держать себя в руках, в целительстве нечего делать.

— Может, потому что нужно вести себя адекватно, а не как напыщенный индюк? — неожиданно вскипел Макс. — Идите и извинитесь перед девушкой!

— Это ты мне предлагаешь извиниться, щенок? Да я сложнейшие операции проводил, когда ты ещё даже не родился!

— Это не отменяет того, что вы бездушная тварь! — заорал Ключников, отчего Радимов примчался в процедурную. Прояснив ситуацию, Егор Алексеевич всё же настоял, чтобы Бревнов извинился перед Мариной, но и Максудосталось за его поведение.

— И что мне с вами делать? Здоровые лбы, а по развитию как дети. Выходит, и наказывать вас нужно, как детей. Ключников, в угол!

Выглядело это забавно. Здоровенный детина стоял в углу ординаторской, а Семенюта светилась от счастья, потому как парень заступился за неё. Но вскоре девушке пришлось уйти с Тихомировой, а мне пора было идти на экстренную операцию с Сарычевой и Бревновым. Нашим пациентом оказался мужчина с проникающим ранением грудной клетки. Телохранитель какого-то аристократа, который принял выстрел на себя, закрывая телом заказчика. Ему здорово повезло, потому как вторая пуля прошла мимо, застряв в двери автомобиля.

— Ассистент, энергию! — деловито скомандовал Бревнов. — Надеюсь, ты знаешь куда её нужно подавать? Вы можете не помнить как вас зовут, где вы живёте и что ели на завтрак, но знать строение человеческого тела и схему расположения энергетических узлов и каналов должны знать досконально.

Чем-то он мне напомнил Семёнова. Аркадий Афанасьевич тоже был любителем нравочений, но больше вставлял их, чтобы передать знания, а не показать своё преимущество.

Операция прошла три часа, и я понял, насколько приятно было работать с Радимовым в качестве ведущего целителя. Никаких нервов, поучений и негатива. Да, Бревнов работал с энергией мастерски, и операцию провёл замечательно. Всё-таки сказывался многолетний опыт, который целитель ещё не растерял, но работать с ним не было никакого удовольствия.

Как позже оказалось, наш новый заведующий решил установить свои порядки во всех сферах и решал кто идёт на операцию, когда обедать, кому заполнять истории болезней. Если это порядок — то увольте. Как по мне, это диктатура, не учитывающая ни мнение, ни сильные стороны персонала.

— Павел Васильевич, может, дать Тихомировой возможность получить немного практики? — предложил я, когда мы засобирались на плановую операцию. — Я сегодня уже оперировал.

— Дорофеев, вы устали?

— Нисколько. Но дело не в этом...

— Понял. Вы не хотите оперировать. Лень — весьма паршивое качество для целителя. Увы, но вам никогда не стать толковым целителем.

— Причём здесь вообще лень? — вспыхнул я. — Каждому целителю требуется постоянная практика, и мы придумали способ постоянно находиться в форме. Я всего лишь беспокоюсь за Екатерину.

— За Тихомирову беспокоиться не нужно, вы бы лучше за себя волновались. Работаете очень медленно, словно боитесь ошибиться. С такой скоростью пациент скорее умрёт, чем получит помощь.

— Я пока младший целитель и работаю меньше года. Главное, что не допускаю ошибок, а скорость придёт со временем. Мы ведь с вами не вагоны с углём разгружаем, а жизни спасаем.

— А вы задумайтесь о том, чтобы вагоны разгружать, Дорофеев! Может, там у вас получится лучше? Хотя, с вашей расторопностью ещё и привалит. Если привыкнешь возиться, как черепаха, так всю жизнь и будешь медлить. Может, где-нибудь в санатории твои навыки и пригодятся, но явно не в отделении.

Бревнов затаил на меня обиду и принял решение. На следующий день все операции проводила Тихомирова. И даже после выходных заведующий позвал ассистировать Катю.

— Павел Васильевич, я тоже хочу оперировать. Тихомирова уже четыре операции провела за два рабочих дня, а я ни одной.

— А зачем вам это нужно, если вы хронический лентяй? — удивился Бревнов. — Пока я заведу отделением, вы оперировать не будете.

— Может, это и хорошо. Находиться в одной операционной с таким моральным уродом как вы, у меня нет никакого желания.

К концу дежурства я узнал, что Бревнов написал на меня служебную записку и инициировал заседание комиссии, но на первый раз всё ограничилось беседой с Удаловой, в которой я не сдерживал эмоций и рассказал всё как есть. К счастью, Ольга Алексеевна оказалась человеком понимающим. Она не стала на мою сторону, чтобы сохранить авторитет заведующего, но и не поддержала Бревнова. И всё же я считал это победой, потому как ко мне не применили никаких дисциплинарных мер.

— Да, отвыкли мы уже от Павла Васильевича, — признала Михайловна, когда я вернулся от Удаловой. — Как-то не с чем было сравнивать, и казалось, что мы хорошо работаем. А теперь расслабились, привыкли к хорошему отношению, и обратно возвращаться к Бревновщине уже тяжело.

— Как вы сказали? Бревновщина? — рассмеялся я. — Да уж, полная Бревновщина.

В отместку за препирания Павел Васильевич пытался отыгрываться на мне, заваливая бумажной работой и процедурами, но я только радовался. Если я на процедурах, то он в операционной, или в ординаторской, а это значит, что мы не видимся. Осталось только продержаться до конца месяца, когда вернётся Радимов, а там всё станет на свои места.

Глава 2. Падение тирана

Шла вторая неделя Бревновщины. Павел Васильевич так и не пускал меня на операции, мотивируя это тем, что я сам проявил малодушие и отказался. Но мы-то оба прекрасно понимали, что истинная причина совершенно иная.

Помимо меня в немилость попали Ключников и Семенюта. Макс поплатился за буйный нрав и длинный язык, а Марина — за неуместное проявление эмоций.

— Давайте уже всех отстраним от операций. Пусть бригада вообще не работает, — ворчал Макс, косясь на кабинет Радимова, где сейчас восседал Павел Васильевич.

— Всех не отстранят, — покачал я головой. — Кто-то должен оперировать. И потом, Сарычеву не так-то и легко поймать на ошибке, у Нины Владимировны стаж лишь на десяток лет уступает Бревнову, а Тихомирову он вряд ли будет трогать, потому как она — дочь Тарасова. Павел Васильевич пусть и напыщенный индюк, но знает кого можно клевать, а кого лучше обходить стороной.

— Давайте жаловаться Удаловой, — предложила Марина. — Пусть она, как главный целитель больницы, повлияет на Бревнова. Он даже не постоянный заведующий, а лишь временно исполняет его обязанности.

— Он этого и хочет, — покачал я головой. — Чтобы мы жаловались, показывали свою беспомощность и отчаивались. Не дожётся! Удалова вряд ли будет на него влиять. У неё разве дел других нет, как выяснять отношения внутри отделения? Нет, она отмахнётся и оставит нас самих разбираться в этой ситуации. Максимум, что мы можем сделать — организовать собрание коллектива, где разобрать эту ситуацию, но у Бревнова все ходы просчитаны, даром он столько лет проработал. Никто ведь не обязывает брать конкретного младшего целителя на операции, или стажёров. Такого пункта нигде нет. Вы получали опыт в течение года? Да. А то, что подменный заведующий не хочет с вами возиться — это его дело. Вернётся Радимов, и вы снова получите возможность ходить на операции.

— И что ты предлагаешь? — насупился Макс.

— Работать спокойно и не позволять выводить себя на эмоции. Время работает на нас. Ещё две недели с хвостиком, и Павел Васильевич нас покинет, а мы благополучно забудем о его существовании.

Если на работе хватало проблем, то в личной жизни наступила идиллия. Возможно, именно поэтому я находил силы держаться и не срываться, когда меня нагружали бесполезной или невыполнимой работой. Но один случай всё-таки выбил меня из колеи.

Утром выходного дня, когда я собирался в бассейн, в дверь постучали. Неужели Лера устала меня ждать, и решила подняться наверх? Я бросил мимолётный взгляд на часы и убедился, что до выхода было ещё минут пятнадцать. В чём же тогда дело?

— Костя, привет! — улыбнулась Пашкова, когда я открыл дверь и увидел её на пороге. — Не ожидал меня увидеть?

— Честно говоря, после того, как ты вычеркнула меня из своей жизни, я вообще не ожидал тебя когда-либо увидеть.

— Прости, я поступила глупо. Я вообще была ещё той душой, когда взяла академ и ушла из больницы. Но больше всего ошиблась с тобой. Знаешь, время показало, что Орлову на меня совершенно плевать, и это не тот человек, который заслуживает внимания.

— А почему ты решила найти меня?

— Мы можем начать всё с начала, — с улыбкой произнесла девушка и шагнула мне навстречу.

— Знаешь, у нас ничего не получится. У меня есть девушка.

— Да ладно, Костя, не дуйся! Я понимаю, что причинила тебе боль и повела себя глупо, но это не повод отталкивать меня нелепыми отговорками.

— Костик, привет! — послышался с лестницы голос моей соседки с пятого этажа. Она спустилась сверху, опёрлась на перила обеими руками так, что вырез её декольте стал совершенно неприличным, и наблюдала за нашим разговором издалека.

— Доброе утро, — ответил я, выругавшись про себя. Почему именно она? Не хватало, чтобы Метлинская наговорила Лере каких-нибудь глупостей.

— А я только хотела заглянуть к тебе и поблагодарить за вчерашний вечер. Ты был великолепен. Я кое-что забыла у тебя, но вижу, ты немного занят, поэтому загляну позже.

— Он уже свободен, — отозвалась Милана и наградила меня разъярённым взглядом дикой кошки. — Вижу, Костя, ты хорошо проводишь время и совсем не скучаешь по мне.

— А был повод соскучиться? Четыре месяца назад ты вычеркнула меня из своей жизни, а теперь появилась, словно снег в апреле, и хочешь вернуть всё обратно. Но жизнь не стоит на месте, она идёт своим чередом. Нельзя промотать её вперёд, а потом попытаться на всей скорости запрыгнуть в прошлое.

Метлинская аплодировала мне с лестницы, а Милана, услышав последнее слово, дёрнулась, словно её током ударило, развернулась и поспешила уйти. Девушка едва не бежала в сторону лестницы и пулей вылетела из подъезда. Возможно, я был слишком груб, но ситуация всё-таки вывела меня на эмоции. Или не ситуация, а моя соседка?

— Зачем ты так? — удивился я, посмотрев на Метлинскую. — Можно было поступить немного мягче.

— Костя, некоторые девушки не понимают, когда с ними общаются мягко. Им нужно сразу объяснить, что здесь занято. Как видишь, я справилась с этой задачей. Чего только не сделаешь ради Лерки! Приходится даже отгонять других девушек от её парня. А ты хорош, расставил всё по местам и сказал как есть. Думаешь, она пришла к тебе, потому что любит? Нет, просто её основной вариант не выгорел, а потому она решила извлечь из рукава запасной.

Мне было искренне жаль Милану, но лучше бы она не приходила. Так в памяти навсегда осталось бы приятное воспоминание о девушке, в которую я когда-то безответно был влюблён. А своим поведением она испортила все воспоминания о себе.

Когда я вышел из подъезда, Лера уже ждала меня внизу.

— Что это за сумасшедшая промчалась здесь пару минут назад? — удивилась девушка.

— Моя старая знакомая, — отмахнулся я, не желая вдаваться в подробности, но похоже, что такой ответ не оставил мне иного выбора.

— И часто старые знакомые бывают у тебя дома?

— Во-первых, не у меня дома, я её даже на порог не пустил. А во-вторых, твоя подружка зорко проследила, чтобы на твою территорию не ступала чужая нога, так что можешь быть спокойна.

Такой ответ Леру всё равно не устроил, поэтому всю дорогу до бассейна мы провели в тишине. Но уже на обратном пути девушка прокрутила ситуацию в голове и успокоилась. Этой ночью Ильменская осталась у меня, а утром мы вместе отправились каждый в своё отделение. По дороге я слушал истории о том, с какими пациентами приходится работать в детском отделении и не мог сдержать улыбки. Да, тоже бывает тяжело, но с детьми всё иначе. Наверно, куда сложнее работать даже не с детьми, а с их родителями.

— Представь, забегает в процедурную обезумевшая мать и требует, чтобы мы срочно спасли её ребёнка. А у нас процедура идёт. Разумеется, мы решили, что малышу плохо, меня отрядили на осмотр, готовят реанимационную, захожу в палату, а он спит.

— Может, потерял сознание? — начал я выстраивать версии.

— Нет, Костя. Ребёнок просто спит. А мать устраивает истерику из-за того, что ребёнок спит на час дольше обычного. Пришлось направить волну успокоительной энергии сначала на мать, а потом успокаивать ребёнка, который проснулся от криков и не понимает что происходит.

— Но бывают ведь и забавные случаи? — не сдавался я.

— Полно! — заулыбалась девушка. — На той неделе привезли к нам мальчишку, который отправился в путешествие по Светлице в ванной. Парень задраил все сливные отверстия, вытесал ветку, как весло, и отправился в плавание. Удивительно, что вообще смог дотащить ванну до воды. Чисто случайно его заметил патрульный катер в двенадцати километрах ниже по течению от Градовца и доставил к нам в отделение для осмотра.

— Обошлось? — с надеждой поинтересовался я.

— Да. Парнишка продрог, но держался молодцом. Говорит, хотел доплыть до моря и доказать всем, что он — настоящий моряк.

За разговорами я не заметил как мы добрались до больницы, и пришло время прощаться. Ещё пару минут мы постояли обнимаясь, а затем разбежались каждый в своё отделение.

Распахнув дверь в ординаторскую, я вмиг уловил царивший там упаднический настрой. Катя устала от постоянных операций, и даже выходные не особо спасали. Нина Владимировна была погружена в отчёты, а Марина занималась уборкой в шкафу. Ключников вообще ещё не явился. Не удивлюсь, если намеренно опаздывает, чтобы позлить Бревнова.

— Сарычева, Тихомирова, в операционную! — скомандовал Павел Васильевич, заглянув в ординаторскую, и с чувством собственного превосходства бросил на меня довольный взгляд.

Ничего, пусть идут. У меня и здесь работа найдётся. Кто сказал, что процедуры — это скучно и неэффективно? А ведь целителей ценят именно за умения обезболить, снять отёчность и воспаление, наполнить жизненной энергией и ускорить регенерацию. Всё это приговаривается во время процедур, поэтому я не особо много терял без операций. Пусть Бревнов тешит себя мыслью, что победил. На самом деле, мы ещё посмотрим кто в итоге окажется в выигрыше.

После обхода мы отправились на процедуры, но ситуация не выходила у меня из головы и мешала сконцентрироваться на работе.

— Ай, больно! — вырвал меня из состояния задумчивости недовольный крик пациента.

Ассистировавшая мне медсестра медленно срывала перевязку с раны, причиняя мужчине нестерпимую боль. Внутреннее зрение уже подсказывало мне, что пациент на грани обморока и вот-вот свалится со стула.

— Алла, что вы делаете? — поинтересовался я у медсестры и мгновенно подскочил к пациенту. Волна жизненной энергии уже протекала по его энергетическим каналам, поддерживая бедолагу в сознании.

— Да присох, негодяй! — пыхтела женщина. — Никак не хочет отрываться.

— Так размочите! Зачем вам расходники выделяют?

— Ой, да что он, не потерпит? — отмахнулась она.

— Делайте как я вам говорю, иначе завтра вы здесь работать уже не будете.

— А ты кто такой, чтобы мне угрожать? Младший целитель, которого даже на операции не берут! — вспыхнула женщина. — Верно говорят, что с Егором Алексеевичем вы распустились и совсем отбились от рук.

— Я сделал вам замечание, потому как вы нарушили порядок проведения процедуры. Мы должны оказывать превосходный уровень помощи без боли и неудобства, а из-за вашего халатного отношения к работе пациент едва не теряет сознание, процесс заживления нарушается и все усилия идут насмарку. Если будет нужно, я пойду к Удаловой, и тогда она точно сделает так, что вы вылетите. Хотите проверить?

— Знаешь что? Раз такой умный, так сам и проводи процедуру! — выпалила женщина, поднялась и вышла из процедурной.

Ничего, справлюсь самостоятельно. А если ситуация повторится, приведу угрозу в исполнение. Я совершенно не чувствовал себя Бревновым, потому как медсестра совершала грубую ошибку, издеваясь над пациентом и вместо того, чтобы послушать моего совета, решила показать характер. Сначала поговорю с Михайловной, чтобы вразумила свою коллегу, а если дежурная медсестра не справится, придётся повышать ставки. Увы, прыгать через голову Бревнова и идти сразу к главной целительнице больницы.

Я осторожно размочил бинты, удалил присохшую корку, обработал рану с помощью дара, очистил её ватным тампоном, смоченным в специальном растворе. А вот с бинтовкой у меня вышли трудности. В прошлой жизни я неплохо бинтовал, но в другом теле вся ловкость куда-то растерялась, мышечная память подвела, и получалось у меня паршиво.

— Костя, давай я, — вмешалась Марина, видя, что у меня не особо получается забинтовать рану.

Семенюта также попала в немилость, как и Ключников, поэтому ребята сидели в процедурной. Бревнов решил, что из них всё равно не получится достойных целителей, а потому совершенно не тратил на них свои усилия, лишая стажёров возможности получить драгоценный опыт.

Сарычева лично попросила меня давать ребятам больше возможностей проявить себя, и я не видел никаких проблем с этим. Именно сейчас был тот случай, когда мы могли справиться самостоятельно.

— Спасибо, Марин, ты умничка! — похвалил я девушку за прекрасно выполненную работу.

— Ты там за словами следи, а то я начинаю ревновать, — с наигранным недовольством вмешался Макс.

— Ой, молчи уже, горе-ревнивец! — поморщилась девушка. — Как мимо очередная юбка промелькнёт, вмиг забудешь как меня зовут и помчишься за ней.

— А что я могу поделать? Гормоны, — развёл руками Ключников.

— Настоек попей специальных, чтобы свои гормоны успокоить, — принялась инструктировать Семенюта, но замолчала, потому как открылась дверь, и в процедурную вошла Михайловна.

— О, и вы от Бревнова сбежали? — рассмеялся Макс. — Присоединяйтесь к нашему обществу изгнанных.

— Кто-то из вас контактировал с больным, которого на операцию повезли? — задала вопрос медсестра, пропустив мимо ушей шутку Ключникова.

— Как нам контактировать, когда Бревнов нас и на пушечный выстрел не подпускает к операционной? — ответил я.

— Вот и хорошо.

— Что ж хорошего? — удивилась Марина.

— А то, что наши в приёмном прошляпили у пациента брюшной тиф. И вскрылось это только во время операции, когда целители начали диагностику.

— Погодите, это то, что я думаю? — расплылся в улыбке Макс.

— Теперь все, кто был в приёмном отделении и в операционной, находятся на карантине, пока не будет сделано два независимых анализа с разницей в двадцать четыре часа.

— Это бесподобно! — закатил глаза Ключников. — Почему мы сами не догадались до такой идеи? Конечно, отыскать пациента с брюшным тифом и протащить его в операционную было бы невероятно трудно, но случай всё решил за нас. Целые сутки без надоедливого Бревнова!

— Не спеши радоваться, скорее всего он успеет вернуться к ночному дежурству, — успокоила парня Марина.

— Радимову уже позвонили? — поинтересовался я у Михайловны.

— Да, Егор Алексеевич был в городе, и скоро приедет. На ближайшие сутки он будет заменять Бревнова. Пока ищем старшего целителя, но в его отсутствие подстрахует Удалова.

Вот уж компания собралась! Заведующий отделением и главная целительница больницы. Как тут не почувствовать себя под прицелом, когда любая ошибка будет восприниматься вдвойне остро. А ведь я почти две недели не оперировал. Вдруг растерял концентрацию и навыки? Руки, конечно, помнят, но без постоянных тренировок может выйти осечка.

Жаль, конечно, что отпуск Егора Алексеевича оказался испорчен, но я всё равно радвался хоть небольшому перерыву.

Едва Радимов появился в отделении, пришла новость из приёмного отделения.

— У нас новый пациент. Мужчина, тридцать два года. Падение из окна третьего этажа. Требуется срочная операция, — сообщила Михайловна. — Он уже в приёмном, сейчас поднимут наверх.

— Надо же, все наши целители заняты, а я не могу оперировать, потому как Бревнов не подпускает меня к операционной. Что же делать? — с наигранным непониманием задумался я.

— Костя, брось заниматься ерундой. Я в отделении, поэтому решения Бревнова не действуют. И потом, у нас попросту нет других целителей, которые могут ассистировать.

— Егор Алексеевич, давайте возьмём с собой стажёров! — замолвил я словечко за Марину с Максом.

— А кто останется в отделении?

— Удалова придёт, плюс вторая бригада скоро подоспеет. Мы почти две недели не были ни на одной операции. И ещё столько же не будем. Дайте возможность хоть разочек побывать там и набраться опыта.

— Хорошо, стажёры также допускаются, — сжалился Радимов.

В операционную мы шли с видом победителей. Пусть Бревнов и вернётся завтра, как бы он ни бесновался, сегодня его запреты не действуют.

Операция прошла успешно. Я напрасно волновался, потому как, едва переступил порог операционной, вмиг вспомнил всё до мелочей. Сомнения отступили прочь, а я был полон решимости.

— Ты сегодня энергичен как никогда, — рассмеялся Егор Алексеевич. — Может, действительно стоит использовать практику с временным отлучением от операций, чтобы получить такой результат?

— Думаю, не стоит пробовать, иначе оперировать будет некому.

— Это ты верно заметил. Работы у нас так много, что отдыхать от операций не получается. Ты не спеши обижаться на мою шутку, я считаю, что дело в отдыхе. Монотонная работа утомляет. А ты отдохнул от операций и уже работаешь быстрее.

— Мне ли не знать насколько утомительной бывает монотонная работа? — спросил я, и мы оба рассмеялись.

С возвращением Радимова, пусть и временным, отделение расцвело. Я видел улыбки на лицах коллег. Выходит, для эффективной работы коллектива недостаточно суровой дисциплины и запугивания. Нужен рабочий настрой, который не принуждает, а вдохновляет работать, и тогда не придётся ломать голову и думать где ещё закрутить гайки для повышения эффективности. Каждый работал с полной отдачей, чтобы не заставлять Егора Алексеевича идти на крайности и наводить порядок.

— Костя, как вам удалось избавиться от Бревнова? — выпалил Мокроусов, едва вошёл в отделение. — Это правда, что он на карантине?

— Чистая правда. К нашему ночному дежурству он уже вернётся, но ваша смена пройдёт в полной тишине.

— Подарок судьбы, не иначе, — рассмеялся Артём. — Раз уж в лаборатории взялись проводить обследование, я бы его ещё на цепь посадил на всякий случай и проверил на бешенство.

После случая с карантинном Бревнов стал вести себя спокойнее. То ли смирился с тем, что я могу оперировать, то ли Радимов с Удаловой провели беседу. Окончательно он поверг меня в шок, когда позвал на операцию.

— А стажёрам можно? — оживился Ключников, заметив, что я попал под амнистию.

— Нет, стажёры не идут, — отрезал Павел Васильевич, но тут же спохватился. — Пока не идут. Помогайте Тихомировой, а на следующую операцию я вас позову.

Вот как! Выходит, отношение поменялось ко всем, и это явно неспроста.

— Вот что, — начал Бревнов, едва пациент уснул, и мы приступили к операции. — Делаешь ты всё правильно, это главное. А со скоростью мы поработаем. Со временем у тебя всё будет: и скорость, и опыт, и уверенность в собственных силах.

— А раньше вы говорили прямо противоположное, — заметил я, не желая отпускать ситуацию просто так.

— Я хотел, чтобы ты доказал, что заслуживаешь большего, пытался закалить твой характер и заставить проявить его. Да, другое поколение пошло. Раньше молодёжь доказывала всем и самому себе, что достойна. Добивалась. Шла наперекор общественному мнению. А сейчас стоит усомниться в ком-то, он и нос повесит. Иной подход нужен. Может, и хорошо, что я ушёл на покой. Не понимаю я современную молодёжь. Если раньше удавалось держать отделение в страхе, то теперь это не действует. Мякотелые мальчишки и девчонки отказываются работать в таких условиях и уходят, либо бунтуют.

— А вы сами пробовали работать в таких условиях?

— Когда я пришёл в больницу после академии, всё так и было. Никто не носился со мной и не протягивал руку помощи. Мы были, словно котята, которых швырнули в воду. И я выплыл, в отличие от многих, кто поплыл по течению или утонул. И если некоторые так и остались младшими целителями, или сбежали, то я доработал до заведующего отделением. Я закалился в этом горниле суровых испытаний, понимаешь?

— А вы не думали, что к каждому человеку нужен свой подход? Может, в вашем случае просто нельзя было иначе? Или вам не повезло попасть на бестолкового руководителя, который гнул свою линию, несмотря на окружавших его людей?

— Скажешь ещё! Я работал младшим целителем под началом самого Кучина. Что-то был за целитель! Сварливый, конечно, но способный. Не одну сотню жизней спас.

— Но как руководитель — полный ноль, — закончил я и поймал на себе удивлённый взгляд Павла Васильевича.

— Давай анестезию и заканчивай жизненную энергию, будем делом заниматься, а не языками чесать, — проворчал он.

— Уже сделано, — ответил я. Всё это время, пока мы разговаривали с Бревновым, я поддерживал пациента в состоянии сна и накачивал его жизненной энергией, которая понадобится заведующему для работы. Конечно, с родной энергией работать проще, но медицинская коллегия понимала, что главный целитель во время операции и так тратит массу энергии, а потому предписывала закачивать энергию ассистентам. Отсюда и появилась роль «батарейки». Так опытные целители экономили массу энергии и могли провести несколько операций за день.

— А ты не промах, — прокричал мужчина. Думаю, всё-таки я в тебе ошибался. Из тебя может получиться хороший целитель. Но не думай, что я буду делать для тебя поблажки. Раз ты стремишься, хочешь расти и развиваться, за каждую ошибку спрошу вдвойне.

Глава 3. Испытание выносливости

Следующие две недели прошли идеально. Бревнов продолжал подзадоривать нас в своём репертуаре, но держал себя в руках и практически не отпускал недовольных комментариев. Да и теперь отношение к его выходкам стало совершенно другим.

Но всё изменилось, когда он явился в процедурную и устроил там полный разнос. Если бы он делал замечания в отсутствие пациентов, было бы вообще замечательно. А так это выглядело вдвойне обидно и чревато проблемами. Разрушение деловой репутации и неуверенность пациентов в качестве наших услуг росли с каждым замечанием заведующего.

— Да вам только вскрытие проводить можно доверять, а не процедуры. Кто так пользуется даром? Я вас всех в фельдшеры разжалую, там хотя бы дар не нужно использовать, кричал он до хрипоты.

И ладно бы замечания были по серьёзному делу. Нет, малейшая ошибка или потеря времени заканчивалась очередным нагоняем и гневной тирадой. Это вселяло неуверенность и в стажёров, и в младших целителей, отчего ошибок становилось ещё больше, а время проведения процедуры становилось ещё длиннее. Каждый боялся ошибиться и сделать что-то не так, что провоцировало новую лавину критики. Наконец, уже пациенты начинали жаловаться и требовать замены целителя. Такими темпами отделение могло развалиться ещё до возвращения Радимова.

Школа Семёнова, который частенько подначивал нас, мне здорово пригодилась, потому как я держался спокойнее всех и редко поддавался на провокации Бревнова. Наконец, когда Павел Васильевич в очередной раз раскритиковал Тихомирову, Катя выдала такую тираду, что даже бывалый мужчина растерялся и не знал что сказать.

— Отстранена от работы! — выпалил Бревнов, когда к нему вернулся дар речи.

— Отлично! В таком случае, я самоустраняюсь, — произнёс Макс, снимая перчатки. — Желаю тебе идти туда же и не возвращаться, старый конченный маразматик!

— Раз вам так не нравится как мы работаем, проводите процедуры сами. А мы посмотрим как нужно, — с вызовом заявила Семенюта, поднимаясь со стула и становясь рядом со всеми.

— Ты предлагаешь заведующему самому проводить процедуры? А оперировать кто будет? — задыхался от такой наглости целитель.

— Я не заведую отделением, поэтому меня это волновать не должно. А вот вам следовало бы задуматься об этом, вместо того, чтобы постоянно критиковать.

Бревнов повернулся ко мне, но я встал рядом с остальными. Ситуация стала серьёзным испытанием нашей сплочённости. По одиночке Бревнов задушит всех, но если мы станем стеной, заведующему придётся сдаться.

— Обе стороны неправы, — высказал я своё мнение. — Макс с Катей следовало контролировать эмоции, а вам не стоило так остро критиковать нашу работу. Вы — лидер, у вас больше опыта. Вот возьмите и покажите как правильно, укажите на ошибки, поделитесь знаниями как их можно избежать. Пока я не вижу перед собой заведующего отделением. Сейчас вы больше тянете на скандального, вечно недовольного старика, который пытается всем доказать, что раньше было лучше, а теперь всё не так, как должно быть.

— Вы все отстранены от работы, — процедил Бревнов. — Официальное обращение о вашей некомпетентности будет передано главному целителю больницы и в медицинскую коллегию города Градовец.

— Да нам ли не плевать? — пожал плечами Макс. — Максимум, что может грозить стажёрам — разрыв соглашения о прохождении стажировки. Но я с удовольствием пройду её в другом месте, чем буду слушать бесконечное брюзжание и крики.

Павел Васильевич вышел из процедурной, а мы отправились в зал ожидания. Раз нас отстранили, пусть Бревнов сам разбирается с работой. Хотя, в отделении осталась ещё Сарычева, и за Нину Владимировну было обидно, но что мы можем изменить? Пусть работают вдвоём.

— Хорошо-то как! — лениво потянулся Макс и расплылся на мягком диване. После эмоционально тяжёлого начала дня тишина казалась настоящим подарком.

Но долго прохлаждаться без дела нам не дали. Через несколько минут к нам вышла Удалова.

— По какому поводу вы устроили себе перерыв? — поинтересовалась главная целительница больницы. — У вас работы нет?

— Мы отстранены, — развёл руками Ключников. — Все!

— Возвращайтесь в отделение, с Павлом Васильевичем я поговорю.

В этот день Бревнова мы больше не увидели. Говорят, он устроил скандал в кабинете Удаловой и демонстративно вышел из кабинета. В его отсутствие отделение осталось без заведующего, а на следующий день из отпуска вышел Радимов.

— Вас даже на месяц нельзя одних оставить! — раздосадовано развёл руками Егор Алексеевич.

— А вы только на сегодня вышли, или с концами? — поинтересовался Макс.

— Куда же я вас дену? Раз больше нет кандидатур, которые могли бы присмотреть за отделением, придётся мне выходить на несколько дней раньше.

— Ура! Бревновщина закончилась! — закричал Ключников, подскочив от радости, а его поддержал целый хор наших радостных голосов.

Выходные прошли практически незаметно. Пришлось немного поторчать на работе, заполняя истории болезней и решить массу бытовых проблем. С севера принесло холодный циклон, поэтому за два дня мы с Лерой никуда не сходили. Зато грелись жаркими поцелуями и объятиями. Как назло, утром перед нашим дежурством пригрело солнце.

— Может, выберемся вечером куда-нибудь? — предложил я Лере разнообразить наш вечер. Обычно инициатива исходит от девчонок, но я решил сработать на опережение. Теперь, когда заметно потеплело, появилось множество способов разнообразить досуг.

— А какие предложения?

— Покататься на лодке в парке, где зимой был каток, поесть мороженого. Можем покататься на аттракционах.

— Я ужасная трусиха и не люблю аттракционы, от которых дух захватывает, — призналась Ильменская.

— А как насчёт колеса обозрения?

— Только если закрою глаза, а ты будешь держать меня за руку.

— Держать тебя за руку мне нравится, но я предпочитаю, чтобы твои глаза были открыты. В таком случае, прогулка по парку с мороженым и сахарной ватой?

— А вот на этот вариант я согласна. Пусть до жути вредно, но мы же всё-таки целители. Давай прогуляемся после смены? Я давно не гуляла по вечернему городу. Встретим закат, а потом подышим свежим воздухом, и пойдём спать. Прогулки на свежем воздухе перед сном бывают очень полезны.

— После дежурства определимся, — согласился я, поцеловал девушку и помчался в отделение.

Если бы я только знал, что нашим планам не суждено сбыться! Хотя, иногда бывают случаи, что это даже к лучшему.

Ближе к концу смены, когда мы проводали пациентов и мысленно отправлялись в ординаторскую сдавать смену, из своего кабинета выскочил Радимов.

— Всем целителям завершить процедуры и подготовиться к операции, — скомандовал заведующий. — В парке аттракционов случилась большая авария — упало колесо обозрения, много пострадавших. Сейчас их везут к нам и в Первую городскую.

— Нам нужно подкрепление, — нахмурилась Сарычева. — Вчетвером мы не справимся с таким количеством пациентов. Кто-то ведь должен остаться в отделении и присматривать за больными.

— Я уже выдал Михайловне задание обзвонить всех целителей.

Николая Юрьевича нет в городе, и раньше завтрашнего дня он не вернётся, — закричала через весь коридор медсестра, желая сообщить последнюю информацию. — Мокроусовы уже в пути. Они приедут чуть раньше начала своей смены. Сейчас постараюсь связаться с целителями четвёртой бригады.

— Не стоит, Вера Михайловна, — успокоил её Егор Алексеевич. — У нас всего две операционные. Пострадавших с лёгкими повреждениями будем принимать в процедурной. А пациентов попросите оставаться в палатах, сегодня процедуры им проведут по месту.

В сложные минуты, когда нужно было проявить организаторские способности, опыт Радимова приходился как нельзя кстати.

— Костя, идёшь в операционную со мной. Марина сегодня не просто наблюдатель, а важный участник в каждой операции, работающий «батарейкой».

— Тоже мне задача! — хмыкнул Макс.

— Ты даже не представляешь насколько важная, — сурово произнёс заведующий. — Нам потребуется много энергии, и Марина очень поможет, если поделится частью своей энергии, не вынуждая Дорофеева или меня расходовать свои силы.

— А я? — заволновался Ключников.

— А ты занимаешься с Сарычевой и Тихомировой. Пусть у Владимировны голова болит от твоей болтовни. Задача та же. Понимаю, что вы стажёры, поэтому не прошу вас оперировать. Но поделиться своей энергией вы можете. Никто не знает сколько в точности операций нам придётся провести, поэтому ваша поддержка может оказаться как нельзя кстати. Как только старший и младший Мокроусовы прибудут, заменят вашу группу в операционной, а вы возвращайтесь к своим обязанностям.

Следующие семь часов я провёл в операционной. У нас были тяжёлые пациенты с сотрясениями, переломами, ушибами и разрывами внутренних органов. Рабочая смена давно подошла к концу, навалилась невероятная усталость, а мы всё продолжали оперировать, потому как иначе было нельзя. Кем мы будем, если опустим руки и сдадимся? Люди нуждались в нашей помощи. Самых тяжёлых распределяли по операционным, более лёгких принимали в процедурной. Помощь оказывали одновременно три команды целителей и стажёров. Ещё трое коллег из третьей и четвёртой бригад, подоспевшие на подмогу, заменяли особенно измотанных целителей.

Я видел, что Радимов устал и уже не тянет. Движения мужчины замедлились, концентрация упала, с большим трудом он стоял на ногах. Всё-таки сказывались недавно перенесённые травмы и высокая нагрузка, которую заведующий уже не выдерживал. Я видел как он тайком направлял часть потоков энергии на поддержание собственных сил, но даже этого не хватало. Далеко не каждый сможет работать девятнадцать часов. Но покидать операционную Егор Алексеевич отказывался, и я понимал причину. Людей с таким опытом и владением даром как у него — единицы. С мастерством заведующего мог сравниться разве что Мокроусов, вот только его здесь не было, и тянуть особенно тяжёлых пациентов приходилось «старой гвардии». Он понимал, что если позволит себе слабость и уйдёт, заместитель может не справиться в критической ситуации и допустит ошибку, которая может стоить человеку жизни. Понимал, и потому стоял до последнего.

Да что лукавить, я тоже держался из последних сил и поддерживал себя вливаниями жизненной энергии. Моя смена давно прошла, и приближалось утро, когда мы наконец-то вышли из операционной. Раньше частенько в коридоре нас ждали медсёстры, другие целители, кто был посвободнее, иногда были даже родственники пациентов, которых пустили побыть ближе к родным. Сейчас здесь были только санитары, ожидавшие когда появится возможность перевести пациента в палату. Мы прошли к общему коридору, из которого доносился шум, а наши шаги таяли в звучании десятков голосов.

В отделении царил суматоха. Телефон Михайловны разрывался от звонков родных, которые пытались узнать хоть какую-то информацию о своих близких.

— Я же говорю вам, Гнездилова у нас нет в списке поступивших пациентов! — кричала в трубку медсестра. — Попробуйте набрать в Первую городскую больницу.

У поста дежурной медсестры толпились люди, которые хотели увидеть близких.

— Пропустите каталку с больным! — скомандовал Радимов голосом, подобному раскатам грома. Мне кажется, он сам не понял откуда у него взялись на это силы. Его услышали, но просьбу выполнили далеко не все.

— Немедленно очистить отделение от посторонних! — приказал Егор Алексеевич, который в гневе был страшен. — Всех в комнату ожидания за дверь! Чтобы через минуту я не видел здесь ни одной посторонней души!

Санитары подключились к работе и помогли оттеснить людей, и теперь каталка свободно проехала к палате.

— Они обрушились как лавина, — разводила руками Михайловна. — Сначала один зашёл, потом другой, а за ними и остальные побежали. Я их просила выйти, а они не слышат.

— Людей можно понять, — кивнул Егор Алексеевич. — Они переживают за близких, их окутал страх. Увы, некоторым страх затмил рассудок. Костя, выйди к ним и успокой толпу. Возьми у Михайловны списки, там вся необходимая информация по всем поступившим больным.

Вообще этим должен был заниматься заведующий отделением или старший целитель, но Сарычеву я нигде не видел, а Радимов, выйдя из операционной, словно сломался пополам. Казалось, он держался из последних сил, а когда дело было сделано, вся накопленная усталость вмиг обрушилась на него.

Я забрал списки у Михайловны, и пусть сам едва держался на ногах, но поплёлся в зал ожидания. Стоило мне выйти из отделения, меня окружила толпа.

— Что с Савельевыми, подскажите! Оба попали в ваше отделение!

— В каком состоянии Панкова?

— А что с Делягиным? Иван Сергеевич. Он жив?

— Спокойно! — заявил я, выставив перед собой руку. — Все пациенты, попавшие к нам в отделение, живы. Пожалуйста, соблюдайте тишину. Я озвучу информацию обо всех посетителях по списку.

— Да вы посмотрите на него, он же сонный и едва стоит на ногах! Небось, проспал всю ночь, и только к четырём утра глаза разодрал, а наши родные там лежат без помощи, — крикнул из толпы какой-то мужчина, растолкал всех и бросился ко мне. Обеими руками он схватил меня за халат и притянул к себе. — А ну, отвечай, вы там бока вылёживаете, или делом заняты? Почему до сих пор посетителей не пустили в палаты?

Сам не знаю откуда у меня взялись силы, но внезапно нахлынула волна слепой ярости, затмив разум, и придав силы. Я отшвырнул список в сторону, левой рукой оттолкнул нахала, а с правой со всей силы заехал ему в лицо. От удара мужчина отлетел в сторону и приземлился на пятую точку, потерявшись в пространстве.

— Кто-то ещё хочет выразить претензии целителям в подобной форме? — произнёс я, осмотрев ошарашенную толпу, которая вмиг притихла. — Где ваша совесть? У меня смена закончилась уже восемь часов назад. Последние двадцать часов я провёл в больнице, семь часов подряд ассистировал в операционной. Многие коллеги вернулись в отделение после ночной смены, приехали с выходного дня, вышли раньше времени на работу, чтобы спасти всех, а вы позволяете себе такое отношение. Если ещё хоть один человек нарушит порядок, я порву этот список и вы будете ждать официальной информации на улице, за пределами больницы.

— Не имеете права, — попытался возмущаться кто-то из толпы, но оратора тут же вытолкали прочь.

— Итак, теперь к делу. Минувшей ночью в отделение поступили восемнадцать человек. Семеро в тяжёлом состоянии прооперированы, одиннадцать человек в состоянии средней степени тяжести получили помощь. Теперь по каждому пациенту отдельно...

Разговор с посетителями затянулся минут на пятнадцать. Я чувствовал их переживание, поэтому старался поддержать и добрым словом, и на энергетическом уровне. Волна успокоения помогла многим справиться с эмоциями. Правда, некоторые женщины начали плакать, но это физиология. Так организму легче справиться со стрессом. Одной женщине пришлось оказать помощь, потому как от волнения та потеряла сознание. В отделение я вернулся только через полчаса.

— Молодец, Костя! — похвалил меня подоспевший на финальный разбор полётов Тарасов, когда информация о стычке с посетителем распространилась по отделению. — Я вообще мечтаю о том, что медицинская коллегия позволит нам хоть раз в неделю драться с особо буйными пациентами, потому как иногда сил просто нет. Иногда попадаются болваны, которые игнорируют все рекомендации, ведут себя вызывающе и считают, что целитель им всем обязан. Ненавижу таких личностей!

А я не испытывал восторга по поводу случившегося. Да, мне следовало держать себя в руках. Но усталость и физическая и эмоциональная сделали своё дело.

— Ничего хорошего в этом не вижу, — вздохнула Нина Владимировна, которая, как старшая в бригаде, считала необходимым озвучить свою позицию. — Если он напишет жалобу в медицинскую коллегия, у Кости могут быть проблемы. Я уже не говорю о том, что к случившемуся могут подключиться хранители порядка.

— С точки зрения закона я совершенно чист, — возразил я. — Тот тип первым на меня набросился, а я защищал себя. Но в коллегии, конечно, могут создать проблемы. Их бы сюда на пару месяцев, чтобы они вспомнили как сами выгорали на рабочем месте от усталости.

— Было бы что вспоминать! — хмыкнул Николай Юрьевич. — Большинство людей, сидящих в коллегии, ни дня ни проработали ни в больнице, ни в поликлинике, ни на «скорой».

— Как же их взяли туда работать, если они принимают законы и правила, которые сами не до конца понимают? А как они могут прозрачно проверять выполнение норм, если не знают как всё работает изнутри?

— По инструкциям, — ответил Тарасов и рассмеялся.

— Ладно, хватит парню голову забивать всякой ерундой, — ополчилась Нина Владимировна на старшего целителя третьей бригады. — Отпускайте Костю спать. Сегодня ему в ночь выходить, а он ещё не ложился.

Теперь, когда самый сложный период оказался позади, а в отделении дежурила усиленная смена целителей, я мог спокойно уходить домой.

У дежурной я узнал, что Лера освободилась ещё четыре часа назад и не стала меня дожидаться. Я искренне понимал девушку, потому как в тот момент я находился в операционной и мог проторчать там бесконечно долго. У детского отделения этой ночью тоже было много работы, поэтому Ильменская тоже невероятно устала и правильно сделала, что пошла отдыхать.

Теперь и мне пора сделать то же самое. Желудок требовал еды, но его слабые позывы тонули в океане усталости.

— Эй, парень! — окликнули меня, а я машинально потянулся к ручке в кармане, потому как узнал голос. Это был тот самый тип, с которым мы схлестнулись в зале ожидания. — Постой! Я поговорить хочу.

Ага, знаю я о каком разговоре пойдёт речь. Я не останавливался и внимательно прислушивался к шагам. Тип меня догонял, а потому в последний момент я резко развернулся и встретился с ним взглядом.

— Ты извини за тот случай. У меня жена и ребёнок в больницу попали, — сбивчиво начал он, переминаясь с ноги на ногу. — Светка собой закрыла дочь при падении, поэтому малая почти не пострадала, а вот ей самой здорово досталось. Я волновался за них. Сам не знаю почему набросился на тебя.

— Понимаю, — ответил я, покачав головой. — А мне не стоило усугублять. Но усталость и напряжение сделали своё дело.

— Возьми в качестве извинений, — мужчина протянул мне несколько купюр, сложенных вдвое. Не знаю сколько там было, но я отказался от денег.

— Принципиально не возьму. Я работаю в больнице не ради денег, да и оплачивается мой труд достаточно. У тебя жена с дочерью в больнице, так что деньги сейчас самому пригодятся.

— Спасибо тебе! — просияла мужчина, который этой ночью тоже не спал. — Мир?

— Мир, — согласился я.

Вернувшись домой, нашёл в себе силы принять душ, чтобы немного освежиться, позавтракать и лечь спать. До ночного дежурства оставалось всего двенадцать часов.

Глава 4. Закрыть гештальт

Проспал я всего часов шесть. И ведь никто не мешал спать дольше. Просто бывает, что после тяжёлого дня и сильного недосыпа просыпаешься и не можешь уснуть. А может, меня разбудил голод. Поворочавшись с боку на бок, я проверил будильник, а потом сдался и направился на кухню в поисках завтрака. Или обеда. Что там сейчас за время дня? С этой работой я окончательно потерялся в сутках.

Осмотрев содержимое холодильника, я пришёл к выводу, что нужно идти в магазин, и как можно скорее, если я хочу поесть перед дежурством и прихватить с собой что-нибудь на перекус. В соседней комнате пикинул телефон. Прочитав сообщение, я расплылся в улыбке:

«У меня домашняя пицца и горячий какао»

Лера уже позаботилась о том, чтобы мы успели увидеться и пошли на ночное дежурство сытыми. Люблю эту девушку! Через пятнадцать минут я уплетал ещё горячую пиццу, прямым из духовки, и думал, что жизнь на самом деле прекрасная вещь.

С возвращением Радимова из отпуска жизнь в отделении понемногу налаживалась. Пострадавшие при падении колеса обозрения в парке выздоравливали и покидали стены нашей больницы, а отделение возвращалось к прежней спокойной жизни. Забылись тяжёлые времена Бревновщины, неумолимо приближалось лето, а с ним новые вызовы и испытания.

— Друзья, с первых чисел июня нас ждёт пополнение, — объявил Егор Алексеевич во время одной из планёрок перед началом смены.

— Так ведь у нас в бригаде все места для стажёров заняты, — напрягся Макс.

— Если вы позволите мне договорить, Ключников, вы узнаете, что это будут не стажёры. Следующие две недели на базе нашего отделения практику будут проходить студенты третьего и четвёртого курса Рудинской академии целителей. У них всего по две группы, так что часть студентов отправится в Первую городскую, а другая придёт к нам. Разумеется, в инфекционное отделение никто их отправлять не будет, не хватало им подхватить какую-нибудь заразу, поэтому студентов будут принимать детское отделение и мы.

— Не хватало ещё с молодёжью возиться, — проворчал Макс.

— А сам-то далеко от них ушёл! — хмыкнула Семенюта.

— А вам это и не понадобится, Ключников. Стажёры в это время отдыхают, — заметил Егор Алексеевич.

— Это как? Дополнительный отпуск?

— Макс, если бы ты интересовался хоть чем-то помимо девушек, то знал, что у стажёров в это время защита стажировки, по результатам которой в академии будут решать стоит ли оставлять тебя на следующий год, или ты бесполезен, — Марина не уппустила возможности уколоть Ключникова.

— А я-то уж начал радоваться. Нет бы устроить нам хоть небольшой отпуск! Вон, даже Егор Алексеевич отдыхал.

— Ещё успеешь отдохнуть, — успокоил парня Радимов и вернулся к сути разговора. — Практиканты — это не стажёры. Вы можете позволять им работать с пациентами во время процедур, но внимательно следите за их действиями, потому как их ошибки — ваши ошибки. На операции студенты ходят только в качестве зрителей. И ещё! Мне бы не хотелось, чтобы практика у студентов академии превратилась в выполнение вашей рутинной работы. Не стоит сбрасывать на них заполнение историй болезни, журналов и отчётов. Молодые люди придут к нам в отделение посмотреть как работает больница, набраться опыта, который им пригодится в будущем, а не работать вместо вас. Надеюсь, это понятно?

Все дружно закивали головами, но я был уверен, что в нашей бригаде никому не пришло бы в голову перекладывать свои обязанности на молодёжь. К счастью, состав у нас подобрался что надо.

Через несколько дней, когда я пришёл на утреннее дежурство, у служебного входа было особенно многолюдно. Около трёх десятков молодых людей толпились на улице, пытаясь спрятаться от мелкого морозящего дождика, а их руководители бегали от одного студента к другому, задавая различные вопросы.

— Саша, ты забыла документы? А как я должна выписать тебе пропуск? — недоумевала женщина лет пятидесяти в белом халате целительницы. В области сердца вместо нашей эмблемы у неё красовался герб Рудинской академии.

Честно говоря, для меня до сих пор оставалось загадкой почему единственная академия целителей в Градовецкой губернии находилась в Рудино. Разве не проще было бы открыть её в главном городе губернии? Или создатели академии хотели, чтобы студенты были ближе к живой природе, поэтому выбрали небольшой тихий городок, где практически ничего не отвлекает от учёбы? Там учили не только целителей, но также фельдшеров и медицинских сестёр. А если я правильно понимаю, в академии учились ещё и травники. Отсюда и популярная в народе поговорка: хочешь лечить людей — иди в фельдшеры, хочешь денег — родись с даром. В целители шли те, у кого есть дар исцеления, а остальные пути открывались желающим спасать людей, но обделённых даром. Эти люди полагались на знания, практические навыки, инструменты и лекарственные снадобья.

Лично я считал, что нужны все. Одни целители точно не справятся, потому как, будь это отделение больницы, операционная или карета скорой помощи, должен быть кто-то, кто возьмёт на себя работу с инструментами, расходниками и базовыми процедурами. Пока целитель будет обрабатывать раны, уйдёт драгоценное время, а иметь несколько целителей нереально — их попросту нет в таком количестве.

— Строимся! Первая группа заходит! Проходим регистрацию и ждём указаний. Вторая группа идёт через несколько минут в другое отделение, поэтому без меня самостоятельно никто никуда не идёт, — скомандовала женщина и покосилась на меня. — Я же сказала, первая группа!

— Неужели я так молодо выгляжу, что вы спутали меня со студентом? В любом случае я бы всё-таки хотел попасть на работу, — с улыбкой ответил я, заставив женщину засмущаться и пробормотать невнятные слова извинений.

Покинув шумную компанию на улице, я поспешил проскочить в отделение, пока гости не заняли весь коридор. Через полчаса, первая группа зашла к нам в отделение. Мы уже успели принять дежурство у четвёртой бригады и собраться на обход.

— Пожалуйста, никто никуда не расходится, — попросила Сарычева. — Всем оставаться в составе группы. Я сначала поговорю с пациентами и опрошу кто из них согласен, чтобы вы принимали участие в осмотре во время обхода. Мы зайдём во все палаты, где получим согласие.

Как и ожидалось, больше всего отказов последовало из женских палат. Несмотря на то, что мы все целители, и в первую очередь всех интересует здоровье пациента, а не его внешний вид, многие женщины стеснялись. А ведь им даже не требовалось снимать одежду для осмотра. Некоторые, узнав, что к ним на обход придёт целая группа, начали прихорашиваться.

— Вы не понимаете, стыдно быть растрёпанными, когда столько людей вокруг, — объяснила нам одна из женщин.

— Не вижу ничего стыдного, — вмешалась Сарычева. — Да, нужно поддерживать свой внешний вид, но многим из вас простительно, пока вы чувствуете себя плохо. Сейчас главное, чтобы было удобно и не мешало восстанавливаться после болезни.

Но мне показалось, что визит студентов наоборот стал тем спусковым механизмом, который преобразил наших пациентов. Кто-то вёл себя настороженно, но большинство старалось не терять лицо. Кто-то переоделся в новую чистую одежду, другие застилали кровати и сидели сверху, третьи привели в порядок волосы и даже пользовались косметикой. Я вынес из этого случая такой урок: в какой бы ситуации мы ни оказались, всегда можно посмотреть на неё под разным углом и проживать каждый случай по-разному.

Неожиданностью для меня стали несколько отказов от мужчин. Похоже, они побоялись, что студенты сделают неправильные выводы на основании диагностики. Но ведь для этого с ними идём мы! Опытные целители обеспечат точность и укажут на ошибки молодёжи.

В итоге в первые палаты студенты не пошли, потому как там были пациенты после операции, которых лучше не беспокоить лишний раз и не подвергать опасности. Из оставшихся десяти палат мы посетили шесть.

— Внимание! — закричала Сарычева, остановившись посреди коридора, когда мы вышли из последней палаты. — Сейчас я отправляюсь на плановую операцию, а вы с младшим целителем Дорофеевым остаётесь в отделении. Константин Юрьевич при поддержке стажёров и медицинской сестры проведёт процедуры для пациентов, которые могут передвигаться самостоятельно. Если пациенты дадут согласие, вы можете поприсутствовать во время процедуры, а после задать вопросы. Чтобы не снижать концентрацию целителя, просьба во время процедуры вопросы не задавать и сохранять тишину. Разрешаю Константину Юрьевичу выставить всех за дверь, если ситуация будет выходить из-под контроля.

Спасибо, Нина Владимировна! Не хватало мне других забот, кроме как присматривать за молодёжью.

— А на операции нас пустят? — поинтересовался парень с горящими глазами.

— Исключено! — заявила Сарычева. — Операция — это серьёзное хирургическое вмешательство, во время которого не должно быть никаких отвлекающих факторов.

— Но где же нам набираться опыта? — заканючил парень.

— В процедурной. Возможно, после совещания с заведующим отделением я возьму вас на какую-то простенькую операцию. Но сейчас точно нельзя.

Сарычева с Тихомировой ушли, а я направился в процедурную, возле которой уже собирались пациенты. Эх, не хватает мне сейчас Макса с Мариной! Они сейчас пыхтят в академии над защитой стажировки, а мне бы не помешало их присутствие. Надо ведь кому-то присмотреть за молодёжью, пока я занимаюсь пациентами?

— Куда ты полез? — на весь коридор гаркнула Михайловна, заметив как один из студентов заглянул в ящик с расходниками и принялся там что-то искать. — Твоего там ничего нет!

— Интересно же! — с обидой в голосе отозвался парень.

— Интересно как тебе ещё нос не оторвали за излишнее любопытство, — парировала медсестра.

Нет, всё-таки есть кому присмотреть за молодёжью. Михайловна им спуска не даст.

Я полностью сконцентрировался на проведении процедур, но буквально через несколько минут услышал в коридоре голос Тарасова. Он-то что тут забыл?

— Так, молодёжь, что застыли без дела? — вмешался Николай Юрьевич. — Вам отдельное приглашение нужно? Я в ваши годы в каждую дверь стучал, чтобы набраться бесценного опыта, а вы зависли посреди коридора и торчите без дела.

— Мы ждём разрешения на осмотр, — робко произнёс кто-то из студентов.

— А если человеку плохо станет, вы тоже станете ждать его разрешения? — осадил их старший целитель. — Ну-ка, живо в процедурную!

Когда дверь распахнулась, и внутрь вломились полтора десятка человек, в процедурной стало тесно и повисла неловкая пауза.

— Простите, это всё целители? — удивилась женщина.

— Да, будущие целители числом пятнадцать человек, — доложил Тарасов, и ещё, который вошёл следом за ними.

— Но вы должны были хотя бы разрешения спросить согласна ли я на созыв медицинского консилиума, — вспыхнула женщина.

Решать конфликт пришлось мне, а Тарасов тихонечко растворился, когда запахло жареным. Для студентов этот случай тоже стал своеобразным уроком. Кто бы вам ни давал указания, вы должны чётко следовать словам человека, которому подчиняетесь, иначе виноватым окажешься ты. Я их понимал, ведь в понимании студентов слово старшего целителя важнее, но бывают ситуации, когда это не так. Благо, что пациентка попалась понимающая, и не стала писать жалобу, а конфликт мы уладили.

Три часа процедур пролетели, словно одно мгновение. Да, без стажёров и их энергетической подпитки было тяжело, но я уже вышел на тот уровень, когда могу проводить простые процедуры самостоятельно. Как мы и условились с практикантами, вопросы они могли задать после каждой процедуры. И в основном они касались технической части и всяких хитростей, которым не научат в академии. Это можно подсмотреть только у старших, или понять на собственном опыте.

Отношения со студентами у нас сложились доверительные. Они были всего на три года младше меня, поэтому барьеров в общении не возникло. Преодолев первоначальную стеснительность, они не боялись задавать вопросы и делиться наблюдениями. Думаю, именно такая дружеская атмосфера поможет будущим специалистам больше узнать о предстоящей работе и сделать выбор.

Конечно, не обошлось без нештатных ситуаций. Некоторые девчонки строили мне глазки, а парни пытались оспорить лидерство, но я быстро всех успокоил.

— Если кого-то не устраивает положение вещей, можете подождать в ординаторской, изучая журналы. Есть желание развиваться — милости прошу набираться опыта. Но пока вы перешли под моё управление, я решаю что вам можно, а чего нельзя.

К счастью, контингент попался понимающий. Пусть некоторые недовольно сопели, но согласились с моими правилами.

Концентрироваться было сложно, да и страх ошибиться немного мешал, ведь пятнадцать пар глаз зорко следили за каждым моим действием и анализировали каждый шаг. Когда Сарычева с Тихомировой вернулись с операции, я с облегчением вздохнул и отправился на обед. Варвара Семёновна не оставила практикантов голодными и выдала каждому по булочке с компотом.

— Ешьте, — напутствовала она с улыбкой. — Потом будете с ностальгией вспоминать эти беззаботные времена, а вкус моих булочек запомнится на всю жизнь.

— Костя, на следующей операции ассистируешь, — попросил Радимов, оторвав меня от поглощения обеда. — Пётр Афанасьевич уже прибыл, скоро начинаем.

— А Нина Владимировна не сможет оперировать? — удивился я.

— Она с Катей займётся процедурами.

Вот как! Значит, я работал один, а Тихомирова будет проводить процедуры со старшей целительницей. Вряд ли тут причина в недоверии. Катя отлично справляется, у неё больше опыта. Так в чём же собака зарыта? Мокроусов-старший прибыл сюда явно неспроста, а ведь экстренных операций у нас нет.

До самого входа в операционную я оставался в неведении и мог лишь строить догадки. Но когда увидел двух пациентов, лежащих друг рядом с другом, меня озарило.

— Ты бы не согласился ассистировать, если бы я сказал заранее что нас ждёт, — слышался у меня за спиной голос Радимова. — Я специально позвал именно тебя. Хочу, чтобы ты понял — тогда, в операционной Первой городской больницы, ты всё сделал правильно. Ошибка была допущена Капаниным, и он понёс за это наказание. Да и Семёнову, честно говоря, не стоило соглашаться на эту авантюру, но я понимал его мотивы. Сейчас ты будешь ассистировать целителям, профессионализма которых достаточно для трансплантации печени. И когда операция пройдёт успешно, эта страница будет закрыта.

— А если... — прохрипел я, но заведующий не дал мне договорить.

— Никаких «если». Операция пройдёт успешно. Часто считают, что крепость духа нужна ратникам, а для целителей это второстепенная черта, но я с этим мнением категорически не согласен. Нам тоже нужно иметь смелость взглянуть в глаза смерти и отнять у неё добычу. Характер не появляется сам по себе, его нужно закалять. Именно это я и требую от тебя. Собирайся, потому как через пару минут мы начинаем.

— Если не уверен, можешь выйти, — слышался более мягкий голос Мокроусова, что было удивительно. Обычно именно Радимов вёл себя сдержаннее. — Но учти! Другого шанса уже не представится. Либо ты наберёшься смелости пройти этот путь снова, либо навсегда потеряешь возможность победить свой страх.

— Я в деле! — произнёс я настолько твёрдо, насколько был способен.

— Тогда оставляем нерешительность за дверью операционной и работаем как часы!

В этот раз условия операции немного отличались. Нам предстояло пересадить часть печени от живого донора. При этом обоим следовало поддерживать целительной энергией.

— Отец принял решение пожертвовать часть своей печени сыну, который нуждался в доноре, — пояснил мне Радимов.

Операция продлилась два с половиной часа, но для меня этот отрезок времени превратился в крошечные пять минут. Мы всё делали настолько быстро и слаженно, что я не успевал

удивляться, а основную часть операции заняла подготовка. Кропотливая и ювелирная работа Радимова с Мокроусовым не могла оставить меня равнодушным. Надеюсь, когда-нибудь я и сам смогу работать с настолько невероятной точностью и владением дара.

— Операция проведена успешно. Реципиент находится в стабильном состоянии, орган ведёт себя адекватно. Ещё час продолжаем наблюдать за состоянием, а потом обоих пациентов переводим в палату.

Казалось, у меня гора свалилась с плеч. Егор Алексеевич был прав. Иногда стоит заново пережить тяжёлый эпизод из прошлого, чтобы верно его преодолеть и спокойно жить дальше. Теперь я избавился от чувства вины и стал куда увереннее в собственных силах.

Глава 5. Испытание решимости

Практиканты оказались весёлыми ребятами, с которыми мы пережили множество интересных историй. Они приходили только днём, поэтому виделись мы редко, но это не мешало нам сдружиться. В свободное время я помогал им готовиться к экзаменам и делился воспоминаниями из своей студенческой жизни. Конечно, многие детали приходилось адаптировать под реалии этого мира, отчего они звучали немного нескладно. Вполне может быть, что кто-то из этих ребят через пару месяцев окажется в нашей больнице на стажировке, и следующие два года мы проведём в одном коллективе. Хотя, я не особо удивлюсь, если их разбросают по небольшим городам и посёлочкам. По крайней мере, в нашем отделении требовалось совсем немного стажёров, человека три, если я правильно припоминаю.

— Костя, спешу тебя обрадовать, — произнёс Радимов, войдя в ординаторскую в один из летних дней, а я насторожился. В последнее время новости были не самыми радостными. Уж лучше их вообще не получать.

— Может, лучше не надо? Не уверен, что перенесу такую радость, — ответил я, скривившись.

— Эту точно перенесёшь. Ты ведь у нас в отделении уже полгода работаешь. Со следующей недели выходишь в отпуск на четыре недели. Так что осталось тебе сегодня смену отработать, завтра, и можешь отдыхать. По возможности будь на связи. Если окажется, что ты в городе и срочно потребуется твоя помощь, мы тебя вызовем.

— Вот действительно приятная новость, — расплылся я в улыбке. — Конечно, буду скучать по отделению, но отдохнуть не мешает.

— Отдохни хорошенько, потому как следующий отпуск только через год. И то, как расписание отпусков составят. Всех сразу отдыхать не пустят.

Из одного отделения, конечно, не пустят, а вот выбить отпуск в одно время с Лерой можно. Но об этом буду думать уже на следующий год, а на этот отпуск у меня были совсем другие планы. Я решил посвятить часть отпуска поездке на север. Наша осенняя командировка произвела на меня глубокое впечатление. Столько людей в забытых посёлочках, где нет ни одного целителя, брошены на произвол судьбы! Хорошо, когда есть возможность приехать в Градовец. А если никак не удаётся транспортировать больного? Да и недообследованные болезни без вмешательства целителя часто обретают статус хронических. Не говоря о том, что иногда бывает ещё хуже, и болезнь заканчивается летальным исходом. Я поставил перед собой цель внести хоть небольшой вклад в борьбу за будущее этих людей.

— Я с тобой поеду! — вызвался Мокроусов, когда узнал о моих планах. Артём пришёл в больницу раньше меня, поэтому к моменту нашего разговора отгулял уже половину отпуска.

— Ты готов потратить неделю своего личного времени?

— А что тут такого? Мне душно в Градовце, хочется развеяться. А путешествие по бескрайним просторам придётся как нельзя кстати. И потом, нельзя тебя оставлять одного. Помнишь, чем твоя поездка закончилась в прошлый раз?

— Ладно, если хочешь, поедем вместе. Вдвоём всяко веселее будет.

Последние дни до отпуска тянулись, словно вечность. Уж лучше бы Радимов ничего не говорил, и сделал сюрприз. Теперь, когда я знал, что скоро отдых, мне не терпелось скорее доработать оставшиеся смены.

И вот, этот день настал. Ранним утром я открыл глаза и уставился в потолок. Привычным движением потянулся к прикроватной тумбочке и пошарил по столешнице в поисках телефона, чтобы проверить нет ли сообщения от Леры.

Ничего. Собственно, это и не удивительно, ведь на часах было шесть утра, а девушка наверняка ещё спала, пытаюсь выкроить хоть несколько дополнительных минут перед утренней сменой.

А я был полностью свободен, потому как сегодня был первый день моего отпуска. И надо же было проснуться в такую рань! Готов поспорить, будь у меня сегодня утреннее дежурство, я бы ни за что не встал самостоятельно.

Потянувшись, я всё-таки собрался с силами и поднялся с кровати. Раз уж проснулся так рано, проведу Леру до работы, а потом буду собираться в дорогу.

Мою идею с поездкой на Север девушка восприняла совершенно спокойно. Я бы даже сказал, что Ильменская была в восторге от моего решения.

— Ты большой молодец, Костя! — воскликнула она, когда я поделился своими планами. — Жаль, не смогу поехать с тобой. У меня следующий отпуск теперь только через полгода. Я бы тоже хотела принять участие в благотворительной поездке по далёким посёлкам Севера.

Идея была отличная, потому как детского целителя здорово не хватало в прошлый раз. Конечно, мы тоже были не промах, но лучше, когда с детьми работают те, кто специализируется на их лечении. И если Лера меня понимала, то родители были совсем иного мнения.

— Конечно, зачем ехать в Привольск? — проворчал отец. — Родители ведь совсем не скучают. Куда лучше рвануть на Север. В какую-то глушь, где даже белые медведи ходят, оглядываясь по сторонам.

— Я всего на неделю еду, — попытался успокоить я отца. — Ты ведь понимаешь, что там людям худо без целителей?

— Нет, я понимаю, что там одна надежда на лечебные травки, да корешочки, но это ведь не повод срывать с места и тратить свой отпуск.

Все мои доводы не имели никакого смысла. Пришлось пообещать, что я непременно приеду в Привольск хотя бы на неделю.

В день отъезда Лера приехала на вокзал провести меня в дорогу.

— Не волнуйся, я за Костей присмотрю. Ничего с ним не случится, — успокоил её Мокроусов.

— Я за Костю не беспокоюсь, а вот за тебя стоит поволноваться, — ответила девушка.

— Вообще-то это не меня в прошлый раз привезли в Градовец без сознания, — парировал Артём.

— Зато как затевать какую-нибудь шалость, ты первый.

— А зачем жить тогда, если не радоваться каждому мгновению? — пожал плечами парень. — Человек, быть может, для того и создан, чтобы менять этот мир в лучшую сторону.

Мы решили не менять маршрут, и первым делом направились в Новомихайловск, где озадачили местного старосту.

— Мы приехали с благотворительной миссией, — попытался объяснить я. — Пробудем два дня, поможем всем, кто нуждается в помощи, а потом поедем дальше. Всех больных отправляйте к нам.

— Это вы хорошо придумали, — оживился староста. — У нас ведь сейчас самое активное время, когда нужно на весь год все дела поделать, а целителя на этот сезон не нашли. Болеть никак нельзя. Да и народу вдвое больше обычного. Я писал и в Градовец, и в Рудино

обращался, но там только развели руками. Уж было подумал, что вы из академии приехали, но раз сами, уже радость. Беда только в том, что разместить вас нигде.

— А у рабочих в вагончиках есть место?

— Сомневаюсь, — покачал головой староста. — У них ведь сейчас самый сезон работы. Но вы не переживайте, на улице точно не оставим. Народ у нас гостеприимный, всегда выручат, если потребуется.

Увы, но с Рябухой мы не увиделись. Бригадир уехал домой на целый месяц, поэтому мы точно его не застанем. А жаль, хотелось бы пообщаться в спокойной обстановке, когда не нужно никуда спешить.

Зато с жильём вопрос решился быстро. Староста не нашёл свободных мест и предложил нам пожить у него. Благо, дом был просторный, и мы никого не стесняли.

Отдохнув с дороги, с самого утра следующего дня мы принялись за работу. К тому времени староста кинул клич по посёлку, и уже через пару часов у его дома собрались люди.

— В груди болит, сынок! — пробормотала старушка лет семидесяти на вид. — Вдохнуть не могу, сил нет.

— Давно болит? — поинтересовался я, направляя внутреннее зрение на сердце.

— Да со вчерашнего дня не отпускает. Думала, посплю, и всё пройдёт, а оно ни в какую. Я чай с мятой настояла, шалфея туда добавила, чабреца пару веточек бросила, а всё равно вдохнуть не могу и в груди болит пуще прежнего.

— Сейчас мы вам поможем, но вы постарайтесь ничего тяжёлого не носить и побольше лежать, — попросил я старушку, переглянувшись с Артёмом.

— Ты видишь то же, что и я? — произнёс он, кивнув в сторону нашей пациентки, когда мы отошли в сторону.

— Сомнений быть не может, это инфаркт. Мы ещё можем снять воспаление, обезболить и попытаться запустить регенерацию сердечной мышцы, но для этого требуется постоянный контроль и подпитка энергией.

— Ты ведь не собираешься ради старухи проторчать здесь всю неделю своего отпуска? — с надеждой в голосе поинтересовался Мокроусов.

— Ты же понимаешь, что если мы оставим её, она умрёт, а транспортировать до Градовца нереально — дорогу женщина не перенесёт. Эти два дня будем лечить, перед отъездом запустим регенерацию, накачаем жизненной энергией и заглянем сюда на обратном пути. На несколько дней точно хватит, чтобы продержаться до нашего возвращения.

Мы провели сложную процедуру, уложили женщину на носилки и отнесли до дома, строго-настрого запретив трудиться. Благо, за ней было кому присмотреть.

Остальными пациентами стали люди с различными болезнями и травмами. Мы диагностировали воспаление лёгких, артрит, ангину и даже разрыв связок голеностопа. А к концу дня нам пришлось устроить настоящую операционную, потому как принесли пациента с огромной щепкой, торчащей в руке.

— Дерево раскололось, и этот кусок отлетел прямо в меня, — поморщившись, пытался объяснить случившееся мужчина. — пытался его достать, но он крепко сидит.

— Лучше бы не пытался, — проворчал Артём, глядя на жуткую рану. — Только уже сделал.

— Разворачиваем операционную, — скомандовал я, понимая, что у нас серьёзный случай. Местный фельдшер нам здорово пригодился, потому как он выполнял роль медицинской сестры в операционной, Артём ассистировал, а я исцелял разорванные мышцы и соединительную ткань. Вообще это задача старшего целителя, но откуда нам его взять? Отправлять бедолагу в Градовец нет смысла — пока он доедет, рана загноится, а то и вообще разовьётся некроз, и целителям не останется ничего иного как отрезать руку.

Мы справились хорошо. Не могу поставить отличную оценку, потому как работа вышла немного топорной. Наверняка останется шрам, который впоследствии можно удалить, но самое главное мы сделали — удалили щепку, очистили рану, сшили все повреждённые сосуды и мышцы. Через несколько дней бедолага сможет вернуться к работе.

За два дня в Новомихайловске мы приняли семнадцать человек и провели одну операцию. На первый взгляд — немного, в отделении мы за одну смену делаем больше, но в отделении и бригада побольше будет! Для двух младших целителей и этого было вполне достаточно.

Яшмань и Удильск были посёлочками куда меньше Новомихайловска, но и там работа нашлась. Пока мы ехали в Яшмань, я всю дорогу оглядывался по сторонам, памятуя прошлогодний вояж, когда на наш караван напала стая лыкусов. В этот раз дорога проходила спокойнее. Нам встречались зайцы, олени, даже один любопытный кабанчик выскочил на дорогу посмотреть кто там шумит, но хищников нигде не было видно.

— Не волнуйтесь, в это время хищникам хватает еды, и они редко приближаются к дорогам, — успокоил нас водитель по имени Эрчим, с которым мы ехали в Яшмань. — К тому же, они боятся шума, а в летнее время по дорогам то и дело снуют грузовики. Хищников сейчас можно не опасаться, но ружье лучше далеко не убирать. В этих краях опасностей хватает, и никогда не знаешь где она может тебя поджидать.

Всю дорогу мы болтали о том, что творится за пределами больших городов.

— Нет порядка, — сетовал Эрчим. — Дикие животные всё ближе подбираются к границам посёлков, отстреливать их практически некому. Новые законы поставили охотников в невыгодное положение, и они массово ищут другие способы выжить. Браконьеров развелось огромное множество, а бороться с ними особо не спешат. Так, поймают парочку, показательно осудят и отправят на рудники, чтобы остальным неповадно было, но что такое несколько нарушителей, когда их сотни? Да и народ всё больше тяготеет к цивилизации. Если бы не промыслы, давно бы уже все перебрались поближе к цивилизации, да только города тоже кому-то кормить нужно. Тем и живём.

Водитель ещё бы долго изливал душу, но впереди показался высокий частокол посёлка, и разговор сменился. Мы хотели заплатить за дорогу, но узнав с какой целью мы путешествуем по Северу, Эрчим отказался от денег.

— Вы, значит, бесплатно людей лечите, а я с вас за это ещё и деньги буду брать? — удивился он. — Нет уж, так не годится! Спасибо вам за вашу работу и удачи! Если свидимся, помогу добраться до Новомихайловска, я туда и обратно через день езжу.

Попрощавшись с водителем, мы отправились искать своего старого знакомого Янислава, чей подарок висел у меня на шее.

— Хорошо, что вы приехали! — обрадовался шаман. — У нас тут происшествие, сам не могу справиться.

— Рассказывай! — с готовностью включился я в работу.

— Вон, Димитар лежит второй день. Ничего не ест, живот болит, не может разогнуться, — принялся объяснять Янислав.

— Опять у вас с выгребными ямами беда? — удивился Артём.

— Нет, с ними всё в порядке. Я спросил у духов в чём причина болезни Димитара, и они ответили, что он наказан за собственную жадность. Пробовал отпаивать лекарственными травами, но ни боль, ни рвота не проходит.

— Сейчас посмотрим, — вызвался я и присел на табурет рядом с кушеткой.

— Не нужно ничего смотреть, — заартачился пациент. — Вы мне дайте что-нибудь, чтобы попустило, и я пойду.

— Да тут операцию делать нужно, — нахмурился Артём, который уже успел провести диагностику.

— А что там? — забеспокоился шаман.

— А разве духи тебе не сказали? — улыбнулся Мокроусов. Ещё с прошлого нашего визита в Яшмань у них с Яниславом сложились непростые отношения. Научный спор о возможностях шаманизма в тот раз закончился ничьей, но Артёму хотелось доказать, что помимо дара не может быть никаких иных способов диагностики, а попытки Янислава — просто тычок пальцем в небо.

— Всё, что мне удалось узнать, я уже сообщил, — обиделся шаман. — Он слишком жадно поглощал дары земли, за что и был наказан. Алчность сидит глубоко в нём, проникла в самое нутро и разрывает его изнутри.

— Ты даже не представляешь насколько близок к истине, — рассмеялся Артём и повернулся к бедолаге, который неподвижно лежал на кушетке, согнувшись в три погибели. — Признавайся, что ты проглотил? От этого будет зависеть сможем мы достать камни, или придётся резать.

— Золотые самородки, семь штук, — прохрипел мужчина. — Где нашёл — не скажу, хоть режьте, хоть нет.

Подумать только! Этот болван вторые сутки корчится от жутких болей, но думает не о жизни, а дрожит над кусками металла и всерьёз считает, что мы готовы его убить ради золота.

— Придётся резать, — заключил я. — Два камня стали на выходе из желудка в двенадцатиперстную кишку, у так называемого привратника, и не могут выйти самостоятельно. Учитывая их размеры, я не удивлюсь, если они каким-то чудом всё-таки смогут пройти и застрянут в тонком кишечнике.

— Зачем ты это сделал? — удивился Ян.

— Боялся, что кто-нибудь увидит мою находку и отберёт по дороге. Сколько старателей погибло из-за золота? А так я рассчитывал добраться до Градовца и там уже дожидаться, когда находка сама выйдет.

— А ещё говорят, что деньги не пахнут, — поморщился Артём. — У меня теперь отвращение к золотым украшениям. Кто знает, где побывало это золото до того, как из него сделали цепочку или кольцо?

— Не волнуйся, во время переплавки все примеси сгорают, — рассмеялся я и повернулся к Яну. — Понадобится твоя помощь, потому как самим нам будет очень сложно.

— Можешь на меня рассчитывать! — с готовностью отозвался парень.

Операцию по извлечению золотых самородков мы провели за два часа. Решили не испытывать судьбу и извлечь все семь штук.

— Доберусь до Градовца, куплю оборудование и вернусь сюда, — бормотал Димитар, ещё не до конца придя в себя. — Куплю разрешение и открою здесь золотой прииск. Разбогатею так, что не только мне, но и внукам хватит.

— Ты, главное, сейчас лежи и не ворочайся, — приказал ему Мокроусов. — Тебе после операции ещё два дня восстанавливаться. Если швы разойдутся, считай, всё напрасно. Вот только мы скоро отсюда уедем, а Яну духи вряд ли помогут тебя залатать.

— Я на фельдшера отучился, так что с этой задачей справлюсь без проблем, — обиделся шаман.

Ночью мне спалось плохо из-за воя бродивших в округе лыкусов. Ян ссылался на то, что сейчас полнолуние, и эти твари активизировались, но ведут себя совершенно обыкновенно. Вот только меня эти слова несколько не успокаивали. Я видел в Яшмани двух людей с ужасными шрамами, оставшимися после встречи с этими существами. У одного из охотников не хватало двух пальцев на руке. Как он сам признался, лыкус откусил их в одно мгновение, и даже перчатка не спасла.

Именно поэтому, когда мы ехали в Удильск, я смотрел по сторонам в оба глаза и держал наготове хлопушку, которую приобрёл у местных. Ян объяснил, что лыкусы боятся громких звуков. Возможно, путают их с ружейными выстрелами.

В Удильске нас встречали с радостью. Когда по посёлку пробежал слух, что приехали мы с Артёмом, на встречу вышла почти половина посёлка. Нас расселили в доме, неподалёку от фельдшерского пункта, и сразу же к нему потянулась вереница людей.

— Аллергическая реакция на укус насекомого, — вынес свой вердикт Мокроусов, осмотрев первую пациентку.

— А у меня что за сыпь, внучок? — поинтересовалась старушка, краем уха услышав, что её подруге уже поставили диагноз и выписали лечение.

— А у вас дисбактериоз кишечника, — озвучил я свой вердикт.

— Это ещё что за напасть?

— Вы в последнее время хорошо питались?

— Да где же там хорошо? Что в подвале завалилось с зимы, тем и питалась. Урожай ведь только сейчас зреть начал.

— Стрессовые ситуации переживали?

— А как не переживать? По весне пошла валежник собирать, так в овраг провалилась, едва жива осталась. Лежу, пошевелиться не могу, дышать тяжело. Только на третий день соседи в лесу отыскивали и вытащили. Сама не знаю как выжила.

— Вот и оно. Голодание, плохое питание и стресс привели к тому, что у вас образовалась хроническая проблема. Я выпишу вам отвары трав, а Лея всем обеспечит. Сегодня проведём процедуру, чтобы в общем укрепить организм и мобилизовать силы для борьбы с недугом.

В первый день приём мы закончили только к восьми часам вечера, когда солнце уже клонилось к горизонту.

— А идёте купаться! — неожиданно предложила Лея.

— Сейчас? — удивился Мокроусов.

— А почему нет? Вода прогрелась, как парное молоко. Или вы боитесь?

Уловка девушки сработала на «отлично», потому как Мокроусов тут же принял вызов. Я решил отдохнуть, но друзья потащили меня с собой.

Оказавшись на берегу, Лея быстро скинула вещи, оставшись в одном лишь нижнем белье, и смело зашла в воду. Мы же не торопились, разминаясь на берегу.

— Идите ко мне! — крикнула девушка. — Водичка отличная.

— Да какая-то она холодная, — пробормотал Артём, погрузив в воду кончики пальцев.

Я решил не ударить в грязь лицом, собрался и быстро зашёл в воду. Чем дольше колеблешься, тем сложнее заходить — это я знал отлично. Дыхание вмиг перехватило, потому как на деле водичка оказалась прохладной. Но не показывать же это Мокроусову?

— Ну, как? — с берега поинтересовался парень.

— Отлично! — отозвался я, показав оттопыренный кверху большой палец.

— Ребята, плывите сюда, что вы там на мелководе барахтаетесь? — закричала девушка, а потом всплеснула руками и ушла под воду.

Тут Артём уже не колебался и помчался на помощь, да и я не зевал, поэтому через минуту мы оба оказались возле Леи. Девушка зацепилась за крупную сеть, потому и не могла выплыть. Пришлось немного повозиться, чтобы вытащить её из ловушки и доставить на берег, где Артём делал искусственное дыхание, а я делал непрямой массаж сердца. К счастью, девушка лишь немного наглоталась воды, и больше испугалась, чем реально пострадала.

— Ячея крупная, на сёмгу, — заметила она, придя в себя. — А в это время она идёт с моря на нерест и ловить её нельзя. Тем более, сетями.

Пока Лея приходила в себя, мы вытащили часть сетей и сложили на берегу. В одной из них попала крупная рыба больше метра в длину с серебристой чешуёй.

— Точно, они на сёмгу сети поставили.

— Кто «они»? — насторожился Артём.

— Браконьеры, кто же ещё! — послышался со стороны хриплый мужской голос.

Обернувшись, мы увидели в сумерках двоих мужчин, которые направлялись в нашу сторону. Причём, шли они не со стороны деревни, а снизу по течению реки.

Мы вмиг поднялись и развернулись лицом к незванным гостям. Первый, который обращался к нам, был с короткой чёрной бородой, и про себя я прозвал его Бородачом. Его спутник выглядел худощавым и более молодым, потому получил от меня прозвище Тощий.

— Вот зачем вам это было нужно? — скривился браконьер, рассматривая сети. — Влезли куда не стоило, испортили нам с Карасём всю рыбалку.

— Разве это рыбалка? — удивился я. — Из-за вашей халатности человек едва не утонул. Я уже не говорю о том, что рыбу уничтожаете.

— А вы те самые целители, что приехали на днях? — догадался Бородач. — Зря вы сюда сунулись. Не место пришлым в этих местах. Сидели бы в своём Градовце и в ус не дули. Нет же, явились на край света, всунули нос не в своё дело, ещё и девчонку впутали. Теперь придётся вас всех в расход пустить.

В руке бородача сверкнула сталь, а я шагнул ему навстречу.

— Вы не учли один момент. Мы ведь не собираемся опускать руки и умирать просто так.

Что я мог ему противопоставить? Рядом с ногой присмотрел достаточно крупный камень. В случае чего вооружусь им, а в другую руку наберу песка. Пусть это хоть сто пятьдесят раз нечестно, мы тут не на турнире выступаем, а за жизнь сражаемся, так что сгодится любая уловка. Осталось только выбрать момент, чтобы провернуть этот фокус. Пусть особого преимущества мне это не даст, но уже лучше, чем ничего.

— А ты забавный. Всерьёз решил, что сможешь меня голыми руками уделать? Ладно, я даже дам тебе шанс. Карась, брось ему нож.

Тощий, стоявший немного поодаль, хищно оскалился и швырнул на песок длинную изогнутую заточку.

Я прекрасно понимал, что если нагнусь, бородач сможет пнуть меня, или достать ножом. Хотя, есть шанс, что всё-таки решит потягаться. Шансов у меня немного, но они есть. Я ведь тоже не терял время напрасно и направил волну успокоительной энергии на обоих негодяев. Уже сейчас они должны почувствовать усталость, а через пару минут и вовсе уснут. Только бы не терять концентрацию.

— Крюк, а ты всё развлекаешься, вместо того, чтобы делом заняться? — послышался со стороны песчаного бархана знакомый молодой голос с лёгкой хрипотцой.

— Леший, не лезь не в своё дело! — гаркнул бородач, но заметно занервничал и даже попятился назад.

— Я сам решу в какое дело мне лезть, а в какое нет, — огрызнулся парень, а я узнал в нём старого знакомого с вокзала.

В этот момент я сильнее надавил даром, и бородач поплыл. Он сделал неуверенный шаг назад, споткнулся и рухнул на песок, попытался подняться, но завалился набок и отключился. Заметив, что он остался без союзника, Карась бросился наутёк. На ослабших ногах он неловко грёб по песку, но смог взобраться на берег. На таком расстоянии мой дар был уже бесполезен.

— Пусть бежит, без Крюка он ничего не значит.

— А ты как здесь очутился? Никак с этими негодяями заодно? — насторожился я.

— Нет, я стал на путь исправления, — покачал головой Леший. — Собираю ягоды и продаю в Градовце. Часть уходит в другие губернии. Если не сдавать скупщикам, которые тут околачиваются, а самому отвезти по городам, сумма выходит куда заметнее. Проблема только в том, чтобы найти места сбыта. Без разрешения на торговлю нашего брата не сильно жалуют. Приходится на стихийных рыночках ошиваться.

— И много выходит? — поинтересовался Мокроусов.

— Опытные собиратели за короткое арктическое лето зарабатывают столько, что хватает на весь год, и даже остаётся, но я пока не особо преуспел. Считай, только месяц назад сезон открыл и заработал всего сотню.

Ничего себе «всего»! Мне нужно вдвое больше работать, чтобы получить столько же.

— Я же говорил, о Лешем ещё услышат в Градовце! — заулыбался парень и кивнул в сторону обмякшего Крюка. — Что с этим делать будем?

— Да ясно что! Связать его и сдать куда следует с поличным, — нашёлся Артём.

— Делов он натворил, конечно. Да только я никому не пожелал бы на рудниках оказаться, — покачал головой Леший. — Местные ведь рыбной ловлей и выживают, так что их тоже можно понять.

— Ты что, он ведь нас чуть не убил! Если бы ты не оказался рядом, и Костя прошляпил, мы бы уже плыли по течению.

— Что толку судить о том, чего не сделано? Всё, что добыто — передадим старосте. Пусть сам решает как поступить. Сети порежем и сожжём, чтобы больше не было искушения взяться за старое. Новые сети без денег Крюк всё равно не раздобудет, придётся ему за работу браться, или с удочкой на окуня ходить. А если возьмётся за старое, тогда совсем другой разговор будет.

Купаться после этого случая совершенно перехотелось, мы оделись и поспешили вернуться в посёлок. Леший пошёл с нами. Как оказалось, здесь его знали и уважали, потому как он не гнушался браться за любую посильную работу.

Вечер мы провели у костра, рассказывая свои истории из жизни. Ближе к полуночи Леший ушёл, сославшись на то, что ему вставать на рассвете. Следом за ним отправился спать и я. От меня не ускользнуло как Артём с Леей переглядывались во время вечерней беседы, да и усталость давала о себе знать. Это Мокроусов две недели дурака валял в отпуске, а я ещё ни дня не провёл, чтобы спокойно отдохнуть.

Я настолько устал от работы и путешествий, что уснул практически моментально. А может, сказывался чистый воздух или тишина, нарушаемая лишь пением цикад.

Когда утренний луч солнца бесцеремонно проник в комнату через узкую щёлочку между двумя недостаточно плотно задёрнутыми шторами и попал мне прямо в глаза, я невольно поморщился и попытался найти укрытие под одеялом. Но сон ушёл.

Выругавшись, я выбрался из плена одеяла и осмотрелся. Кровать Артёма пустовала, будто он и вовсе не спал на ней. Или успел с утра заправить постель и прошмыгнуть на улицу? Нет, это на него совершенно не похоже.

На улице Мокроусова тоже нигде не оказалось. Словно растворился. И только через пару минут безуспешных поисков я заметил его на ступеньках дома Леи.

— Хорошее утро! — заметил он потягиваясь, а на его лице сияла улыбка.

— Я смотрю, ты хорошо проводишь время.

— Хороший целитель лечит не только тело, но и душу, а Лее было так одиноко, что я просто обязан был вмешаться. И потом, какое тебе дело? У тебя есть Лера. Или ты ехал сюда ради этой встречи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.